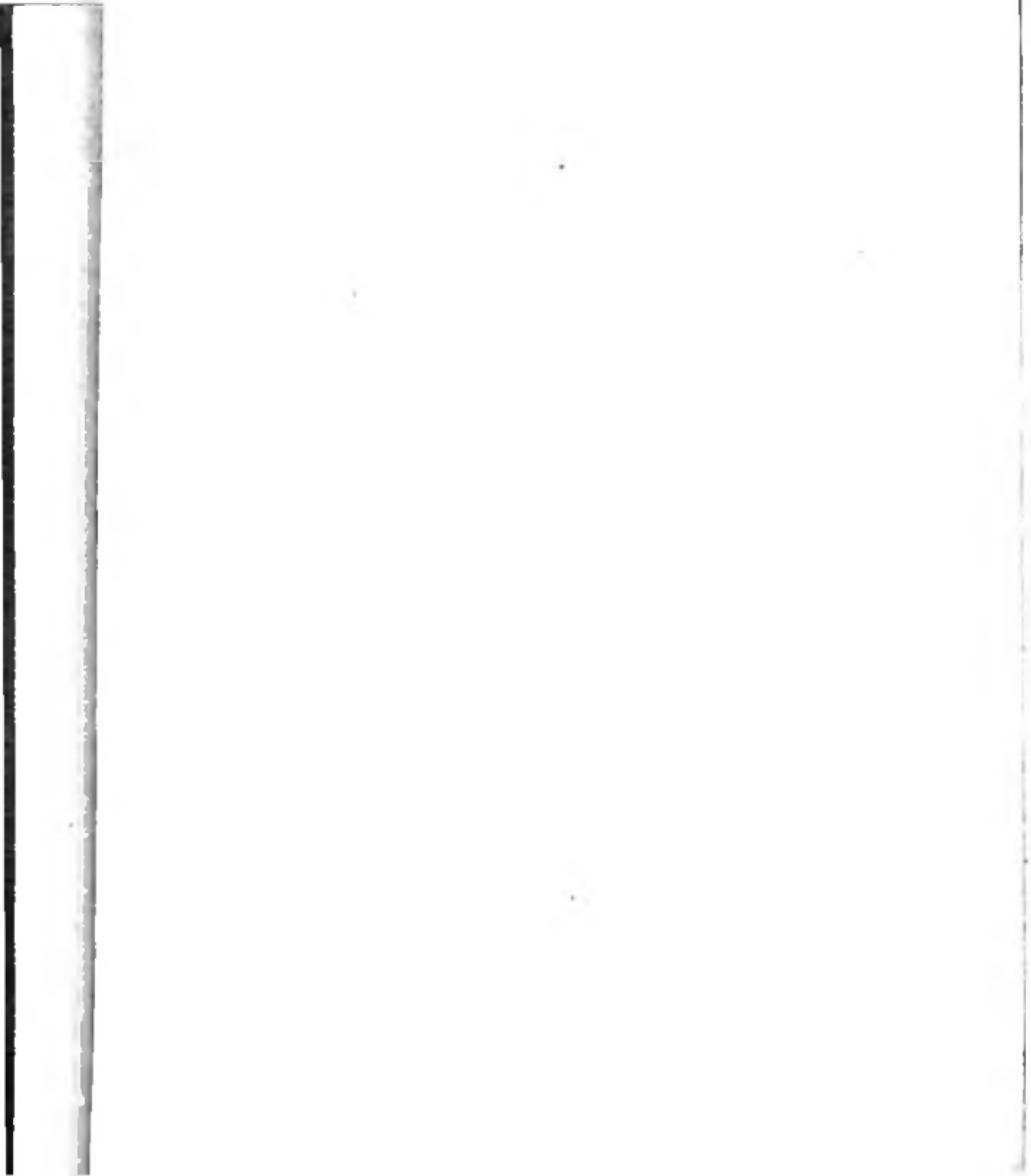

ETER BEKA

28

СОВЕТСКИЙ ВЕКА

Стихи
и поэзия
и Коммунистах

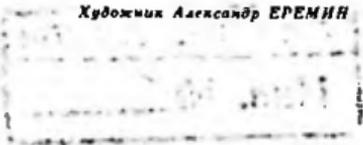
БИБЛИОТЕКА НГПИ
Инв. № 276712

Москва
Советский писатель
1985

ББК 84. Р7
В 39

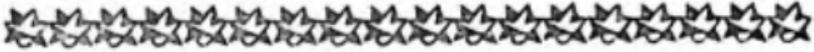
Составитель *Е. Л. Храмов*

Художник Александр ЕРЕМИН

4702010200 — 337
В ————— 177 — 88
063(02) — 85

© Издательство «Советский писатель», 1985 г.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Партийный гимн

Вставай, проклятем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.
    Это есть наш последний
    И решительный бой,
    С Интернационалом
    Воспрянет род людской!
Никто не даст нам избавленья —
Ни бог, ни царь и ни герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,
Вдувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо.
    Это есть наш последний
    И решительный бой,
    С Интернационалом
    Воспрянет род людской!

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты — никогда.
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей.

    Это есть наш последний
    И решительный бой,
    С Интернационалом
    Воспрянет род людской!

ТРЕДВЕСТИЕ

СМЕЛО, ТОВАРИЩИ, В НОГУ...

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнув в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.
Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.
«Братский союз и свобода» —
Вот наш девиз боевой.
Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил.
Черные дни миновали.
Час искупленья пробил!
Время за дело приняться,
В бой поспешим поскорей,
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей?
Все, чем держатся их троны, —
Дело рабочей руки...
Сами набьем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки.
Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда!

1897

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд,
Но день настанет неизбежный,
Неумолимо грозный суд!

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет,
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Пусть слуги тьмы хотят насильно
Связать разорванную сеть,
Слепое зло падет бессильно,
Добро не может умереть.

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет,
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Бездушный гнет, тупой, холодный,
Готов погибнуть наконец,
Нам будет счастьем труд свободный,
И братство даст ему венец.

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего свет.
Оно горит и ярко рдеет,
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Скорей, друзья! Идем все вместе,
Рука с рукой, и мысль одна!
Кто скажет буре: стой на месте!
Чья власть на свете так сильна?
Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего свет.
Оно горит и ярко рдеет,
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Долой тиранов! Прочь оковы,
Не нужно старых, рабских пут!
Мы путь земле укажем новый,
Владыкой мира будет труд!
Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше реет
И несет клич борьбы, мести гром.
Семя грядущего свет.
Оно горит и ярко рдеет,
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТИКЕ

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут. — им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятьем крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон, — гордый, черный демон бури, — и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневе грома, — чуткий демон, — он давно усталость

слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца,— нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем, то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

1901

ПРИЗЫВ

(Из листка Воронежского комитета РСДРП)

Нас много, нас много!.. Вставайте же, братья!
Не надо ни слез, ни бесплодной мольбы...
Проклятье насилью, вставайте же, братья,
И будем борцы — не рабы!
Глядите — заря занялася свободой!..
В ком сердце отзывно и ум не погас?
Кто весь исстрадался за черные годы?
Сходитесь, вставайте под знамя свободы;
И время и правда за нас!..
Пусть кровь наша летится, пусть в злобе бессильной
Державный убийца нас смертью казнит...
Но рабство позором, но тишью могильной
Ему не сковать уже волюшки сильной
Того, кто отмищеньем горит!
За счастье народа, за свет и познание
Подыдем мы много мозолистых рук!..
Проснулось работников-граждан сознание...
Довольно мертвящей нужды и страданья,
Довольно и крови и мук!..
Что создано потом, что кровью омыто,
Над чем, надрываясь, не спали ночей, —
Довольно вам, хищники, грабить открыто,
Веками вы кровь нашу пили досыта
Под гнетом жестоких царей!..
Нас много, нас много!.. Вставайте же, братья!
Не надо ни слез, ни бесплодной мольбы...
Проклятье насилью, тиранам проклятье!
Мы долго страдали, вставайте же, братья,
И будем борцы — не рабы!..

1904

ГИМН РАБОЧИХ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Наша сила, наша воля, наша власть.
В бой последний, как на праздник, снаряжайтесь.
Кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть.

Станем стражей вокруг всего земного шара,
И по знаку, в час урочный, все вперед.
Враг смутится, враг не выдержит удара,
Враг падет, и возвеличится народ.

Мир возникнет из развалин, из пожарищ,
Нашей кровью искупленный новый мир.
Кто работник, к нам за стол! Сюда, товарищ!
Кто хозяин, с места прочь! Оставь наш плр!

Братья-друзи! Счастьем жизни опьяняйтесь!
Наше все, чем до сих пор владеет враг.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Солнце в небе, солнце красное — наш стяг!

1905

* * *

Полна страданий наших чаша,
Слились в одно и кровь и пот.
Но не угасла сила наша:
Она растёт, она растёт!

Кошмарный сон — бывшие беды,
В лучах зари — грядущий бой.
Бойцы в предчувствии победы
Кипят отвагой молодой.

Пускай шипит слепая злоба,
Пускай грозит коварный враг,
Друзья, мы станем все до гроба
За правду — наш победный стяг!

1912

МЫ КУЗНЕЦЫ, И ДУХ НАШ МОЛОД...

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куюм мы к счастью ключи!
Воздымайся выше, тяжкий молот,
В стальную грудь сильней стучи!
Мы светлый путь куюм народу,
Мы счастье родине куюм...
В горне желанную свободу
Горячим закалим огнем.
Ведь после каждого удара
Редеет тьма, слабеет гнет,
И по полям родным и ярам
Народ измученный встает.

1912

«ПРАВДА»

Разбиты матрицы-квадраты.
В настороженной тишине
Их топчут пьяные солдаты,
И стекла выбиты в окне.
Пускай норуган луч свободы,—
Не жди сомнения и слезы!
Ведь «Правда» говорит с народом
Призывным языком грозы!
Иду по комнатам знакомым,
И гневом грудь моя полна:
Рассыпан шрифт, станок изломан...
А там, на западе, война!
Я обернулся. Взгляд змеинный
Меня обжег и ослепил:
Жандарм с жестокостью звериной
На горло песне наступил.
И алчный взгляд по полкам рыщет,
По грудам мертвого свинца.
Но разве правду он отыщет,
Когда она живет в сердцах?!

1914

Свобода приходит нагая.
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на «ты».
Мы, воины, строго ударим
Рукой по суровым щитам:
Да будет народ государем
Всегда, навсегда, здесь и там!
Пусть девы споят у оконца
Меж песен о древнем походе,
О верноподданном Солнца
Самодержавном народе.

Апрель 1917

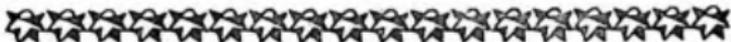

Октябрь

БИБЛИОТЕКА ИГПИ

Инв. № 276212

ТОВАРИЩ

Весенним дыханьем, неожиданно и ново,
Меж нами промчалось заветное слово,
Заветное имя одно:

— Товарищ! —

Как песня звучит нам оно.

То — песня во славу труда-миродержца,
То — мост, переброшенный к сердцу от сердца.
То — братьям от братьев привет.

— Товарищ! —

Прекрасней воззвания нет.

Из темных подвалов, из глуби подполья
Помчалось оно на простор, на раздолья
Кипящих толпой площадей.

— Товарищ! —

То — новое имя людей.

Лучистее взгляды, смелее улыбки.
И кажется: майским сиянием зыбким
Вся жизнь озарилась до дна.

— Товарищ,

Мы — сила, мы — воля одна.

1917

ЛЕВЫЙ МАРШ

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу истории загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

Эй, синемблузы!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!

Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!

Там
за горами гóря
солнечный край непочатый.
За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружат нанятой,
стальной изливаются леевой, —
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
Крепи—
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

1918

ПЕСНЯ КОММУНЫ

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами,
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами.

Все в свободной стране
Предоставлено мне,
Сыну фабрик и вольного луга;
За свободу свою
Кровь до капли пролью,
Оторвусь и от книг и от плуга!

Пусть британцев орда
Снаряжает суда,
Угрожая Руси кандалами, —
Никогда, никогда —
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами.

Славен красный наш род,
Жив свободный народ, —
Все идут под знамена Коммуны.
Гей, враги у ворот!
Коммунары — вперед!
Не страшны нам лихие буруны!

Враг силен? Не беда!
Пропадет без следа,
Коли жаждет господства над нами,—
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами!

Коль не хватит солдат,
Станут девушки в ряд,
Будут дети и жены бороться,
Всяк солдат-рядовой,
Сын семьи трудовой —
Все, в ком сердце мятежное бьется!

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами,—
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами!!!

1918

БРАТЬЯ

Мы с тобой родные братья:
Я — рабочий, ты — мужик,
Наши крепкие объятия —
Смерть и гибель для владык.

Я кую, ты пашешь поле.
Оба мы трудом живем,
Оба рвемся к светлой доле,
С бою каждый шаг берем.

Я сверлю земные недра,
Добываю сталь и медь,
Награжу тебя я щедро
За твои труды и снедь.

Наши руки мощью дышат,
Наши груди крепче лат,
Наши очи мезтью пышут,
Постоим за брата брат!

Мы с тобой родные братья:
Я — рабочий, ты — мужик,
Наши крепкие объятия —
Смерть и гибель для владык.

1918

* * *

Мы победим, клокочет сила
В нас — пролетариях всех стран.
Веками скрыто, что бурлило,—
Воспламенилось, как вулкан.

Мы, огнемечущая Этна,
Сорвали пыльный шлак оков.
Душа рабочая, бессмертна,
Воскресла из гробниц веков.

Зарей крылатою одеты,
Мы в небо дерзостно взлетим,
Громокипящею кометой
Прорежем Млечные Пути.

Космические миллионы,
Возмемся в старый мир Стожар.
В созвездьях белых Ориона
Взвихрим восстания пожар.

Мы проведем на кратер лунный
Стальные стрелы красных рельс,
В лучисто-млечные лагуны
Вонзится наш победный рейс.

Мы рук мозолистых спаянем
Меридианы облегли,

Солнц электрических сияньем.
Полярность неба обожгли.

Взрастили под Полярным кругом
Цветущих тропиков леса,
И стали благодатным югом
Растопленные полюса.

Воздвигнем на каналах Марса
Дворец Свободы Мировой,
Там будет баня Карла Маркса
Спать как гейзер огневой.

Мы победим ударом взрыва
Рабочей армии всех стран,
Мы — вихрь невиданного завыва —
Воспламенились, как вулкан.

1918

ПРОЛЕТАРИЙ ГОВОРИТ

(На поэмы)

... Дать человеку человечность,
Мечте — захват безумных крыл.
Вести из временного в вечность
И к небу, к небу — из могил.

Открыть все рынки и подвалы,
Все двери настежь: ешь и пей!
Ввести в разубранные залы
Убогой улицы детей.

Смотреть, смеясь тихим смехом,
Как полны счастья, как легки,
Как рады солнечным потехам
Их глаз святые васильки.

Нет моего. Всё ваше, ваше,
Кто вип изысканных знаток?
Другой их пил из вашей чаши,
Другого нежил пряный сок.

Зачем, дитя, ты в жалком черном?
Бери сверкание парчи,
Смотри, как ловко и узорно
В цветах здесь вытканы лучи.

О мать, ты потеряла сына,
Не плачь, здесь все твои сыны,
Они почтут твои седины
Своими песнями весны.

Старик, ты хмур — боишься ночи?
Зачем молчанье и тоска?
Я сам имею глаз пророчий,
Я сам старше старика.

Ты хмур, что пали эти храмы?
Ты зол, — дворцы в руках чужих?
Кто был согбен — тот ходит прямо,
Нет больше нищих и слепых.

Все чуда разом совершились,
Как все расплавились венцы,
За всех страдали, и молились,
И гибли деды и отцы...

Кто духом был отважней прочих,
Знал лишь могильные огни,
Всегда безжалостные ночи
И злом отравленные дни.

И саван мутного рассвета
С лица земного я сорвал,
И скорбь погасла, как комета,
И ужас пал и задрожал.

И властный голос окрыленно
На все края сказал: твори!
И дети подняли короны
В пыли смеющейся зари.

Усталых спины разогнулись,
Вздохнула солнцем красота,
И мне за это улыбнулись
Детей хрустальные уста!

1918

КАНТАТА

Спите, любимые братья.
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.

Новые в мире зачатья,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.

Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот...
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ.

1918

ПАМЯТИ БОРЦОВ, ПАВШИХ В ОКТЯБРЬСКИЕ
ДНИ 1917 г.

Шли они шумной столицей
Дружно и ночью и днем,
Были отважны их лица,
Очи пылали огнем.

Шли они стройно рядами,
Смело и гордо вперед,
Храбро сражаться с врагами
За пролетарский народ.

Шли, не смыкаячи вежды,
Кровь молодую пролить,
С полною в сердце надеждой
Злого врага победить.

Зная, на алой их крови
Солице свободы взойдет
И на распаханной нови
Бедный воспрянет народ...

Думы, мечты их свершились
Год лишь один миновал,
Слуги Ваала свалились,
Рухнул злодей-капитал.

Сила буржуев, как гуннов,
Рушится, гибнет, гниет,
Царство Великой Коммуны
Всюду со славой грядет.

Пахарь-бедняк и рабочий,
Славной Коммуны оплот,
Гордо вперяючи очи,
Соколом смотрит вперед.

Смелы их смуглые лица,
Дышит отвагою грудь,
Счастьем свобода-зарница
Их оаряет весь путь.

1918

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Вперед, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе.

Смелей вперед, и тверже шаг.
И выше юношеский стяг!
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

Ведь сами испытали
Мы подневольный труд.
Мы юности не знали
В тенетах рабских пут.

На душах цепь носили мы —
Наследье непроглядной тьмы.
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

И, обливаясь потом,
У горнов став своих,
Творили мы работой
Богатство для других.

Но этот труд в конце концов
Из нас же выковал борцов,

Нас — молодую гвардию
Рабочих и крестьян.

Мы поднимаем знамя!
Товарищи, сюда!
Идите строить с нами
Республику Труда!

Чтоб труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял —
В бой, молодая гвардия
Рабочих и крестьян!

1922

• • •

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный охватить,
Который бьется в этих жилах
И в этой голове кипит.

Глаза и мысль нерасторжимы,
А кто так мыслию богат,
Чтоб передать непостижимый
Века пронизывающий взгляд?

1923

РАДИОБАШНЯ

В синеву на полтораста метров,
Откуда видны далекие пашни,
До туч, гоняемых ветром,
Выросла радиобашня.

Сжималось кольцо блокады,
Когда наши рабочие плечи
Поднимали эту громаду
Над Замоскворечьем.

Не беда, что она пемного
Эйфелевой башни ниже,
Все же тучи, воздушной дорогой
Пробегая, ей голову лижут.

Нашей работы упорной
Что может быть бесшабашней!
Когда нас душили за горло,
Мы строили радиобашни.

1923

ЛЕНИН

Кто был он! — Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.

Октябрь лег в жизни новой зрой,
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Аттил.

Мир прежний смякнет, слаб и тленен;
Мир новый — общий океан —
Растет из бурь октябрьских: Ленин
На рубеже, как великан.

Земля! зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье — имя это,
Меж слав твоих — прекрасней нет!

Он умер; был одно мгновенье
В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его — мирам мы понесем!

25 января 1924

ПАРТБИЛЕТ № 224332

Весь мир грабастают рабочие ручищи,
Всю землю щупают, — в руках чего-то нет...

Скажи мне, Партия, скажи мне, что ты ищешь? —
И голос скорбный мне ответил: — Партбилет...

Один лишь маленький... а сердце задрожало.
Такой беды большой еще никто не знал!
Вчера, вчера лишь я его в руках держала,
Но смерть ударила — и партбилет упал...

Эй, пролетарии! Во все стучите двери!
Неужли нет его и смерть уж так права?
Один лишь маленький, один билет потерян,
А в боевых рядах — зияющий провал...

Я слушал Партию и боль ее почуял.
Но сталью мускулов наполнилась рука:
— Ты слышишь, Партия? Тебе, тебе кричу я!
Тебя приветствует рабочий от станка.

Я в Партию иду. Я — сын Страны Советов.
Ты слышишь, Партия? Даю тебе обет:
Пройдут лишь месяцы — сто тысяч партбилетов
Заменят ленинский утраченный билет.

24 января 1924

ПЕРЕКОП

Катятся звезды, к алмазу алмаз,
В кипарисовых рощах ветер затих.
Винтовка, подсумок, противогаз
И хлеба — фунт на троих.

Тонким кружевом голубым
Туман обвил виноградный сад.
Четвертый год мы ночей не спим,
Нас голод глодал, и огонь, и дым,
Но приказу верен солдат.

«Красным полкам —
За капканом капкан».
...Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.

За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг — наш и не наш
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед —
Не гранате, не пуле сегодня власть,
И не нам отступать черед.

За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды,
За нами — города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды.

За горами же солнце, и отдых, и рай.
Пусть это мираж — все равно!
Когда тысячи крикнули слово «Отдай!» —
Урагана сильней оно.

И когда луна за облака
Покатилась, как рыбий глаз,
По сломанным, рыжим от крови штыкам
Солнце сошло на нас.

Дельфины играли вдали,
Чаяк качал простор,
И длинные серые корабли
Поворачивали на Босфор.

Мы легли под деревья, под камни, в траву,
Мы ждали, что сон придет,
Первый раз не в крови и не наяву,
Первый раз на четвертый год...

Нам снилось, если сто лет прожить —
Того не увидят глаза,
Но об этом нельзя ни песен сложить,
Ни просто так рассказать!

БАЛЛАДА О ДВАДЦАТИ ШЕСТИ

Пой песню, поэт,
Пой.
Ситец неба такой
Голубой.
Море тоже рокочет песнь.
Их было
26.
26 их было,
26.
Их могилы пескам
Не занести.
Не забудет никто
Их расстрел
На 207-й
Версте.
Там за морем гуляет
Туман.
Видишь, встал из песка
Шаумян.

Над пустыней костлявой
Стук.
Вон еще 50
Рук.
Вылезают, стирая
Плесень.
26 их было,
26.

Кто с прострелом в груди,
Кто в боку,
Говорят:
«Нам пора в Баку —
Мы посмотрим,
Пока есть туман,
Как живет
Азербайджан».

. . . . .
Ночь, как дыню,
Катит луну.
Море в берег
Струит волну.
Вот в такую же ночь
И туман
Расстрелял их
Отряд англичан.

Коммунизм —
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетариат.
Там, в России,
Дворянский бич
Был наш строгий отец
Ильич.
А на Востоке
Здесь
Их было 26.

Все помнят, конечно,
Тот,
18-й несчастный

Год.
Тогда буржуа
Всех стран
Обстреливали
Азербайджан.

Тяжел был Коммуне
Удар.
Не вынес сей край
И пал.
Но жутче всем было
Весть
Услышать
Про 26.
В пески, что как плавленный
Воск,
Свезли их
За Красноводск.
И кто саблей,
Кто пулей в бок,
Всех сложили на желтый
Песок.

26 их было.
26.
Их могилы пескам
Не занести.
Не забудет никто
Их расстрел
На 207-й
Верете.

Там за морем гуляет
Туман.
Видишь, встал из несква
Шаумян.

Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук
Вылезают, стирая
Плесень.
26 их было,
26.

.....
Ночь как будто сегодня
Бледней.
Над Баку
26 теней.
Теней этих
26.
О них наша боль
И песнь.

То не ветер шумит,
Не туман.
Слышишь, как говорит
Шаумян:
«Джапаридзе,
Иль я ослеп,
Посмотри:
У рабочих хлеб.
Нефть — как черная
Кровь земли.
Паровозы кругом...
Корабли...
И во все корабли,
В поезда
Вбита красная наша
Звезда».

Джапаридзе в ответ:
«Да, есть.
Это очень приятная
Весть.
Значит, крепко рабочий
Класс
Держит в цепких руках
Кавказ.
Ночь, как дыню,
Катит луну.
Море в берег
Струит волну.
Вот в такую же ночь
И туман
Расстрелял нас
Отряд англичан».

Коммунизм —
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетариат.
Там, в России,
Дворянский бич
Был наш строгий отец
Ильич.
А на Востоке
Здесь
26 их было,
26.

.....
Свет небес все синей
И синей.

Молкнет говор
Дорогих теней.
Кто в висок прострелен,
А кто в грудь.
К Ахч-Куйме
Их обратный путь...

Пой, поэт, песню,
Пой.
Ситец неба такой
Голубой...
Море тоже рокошет
Песнь.
26 их было,
26.

1924

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

(Отрывок из поэмы)

Маркс раскрыл
истории законы,
пролетариат поставил у руля.
Книги Маркса не набора гранки,
не сухие цифр столбцы —
Маркс рабочего поставил
на ноги
и повел колоннами
стройнее цифр.
Вел и говорил:
— Сражаясь, лягте,
дело — корректура
выкладкам ума.
Он придет, придет
великий практик,

поведет
          полями битв,
                          а не бумага!
Жерновами дум
                          последнее мель
и рукой
          дописывая
                          восковой,
знаю,
      Марксу
                          виделось
                          видение Кремля
и коммуны
          флаг
                          над красною Москвой.
Назревали,
          зрели дни, как дыни,
пролетариат
          вырослел
                          и вырос из ребят.
Капиталовы
          отвесные твердыни
валом размывают
          и дробят.
У каких-нибудь
          годов
                          на расстоянии
сколько гроз
          гудит
                          от нарастаний.
Завершается
          восстанием
                          гнева нарастание,
нарастают
          революции
                          за вспышками восстаний.

Круг
буржуев
оазверевший норов.
Тьерами растераанные,
воя и стеная,
тени прадедов,
парижских коммунаров,
и сейчас вопят
парижскою стеною:
— Слушайте, товарищи!
Смотрите, братья!
Горе одиночкам —
выучьтесь на нас!
Сообща варывайте!
Бейте партией!
Кулаком
одним
собрав
рабочий класс.—
Скажут:
«Мы вожди»,
а сами —
шаркунами?
За речами
шкуру
распознать умеи!
Будет вождь
такой,
что мелочами с нами —
хлеба проще,
рельс прямой.
Смесью классов,
вер,
сословий
и наречий

Я видел горы —
на них
и куст не рос.
Только
тучи
на скалы
упали ничком.
И на сто верст
у единственного горца
лохмотья
сияли
ленинским значком.
Скажут —
это о булавках ахи.
Барышни их
вкалывают
из кокетливых причуд.
Не булавка вколота —
значком
прожгло рубахи,
сердце,
полное
любовью к Ильичу.
Этого
не объяснишь
церковными славянскими,
и не бог
ему
велел —
избранник будь!
Шагом человеческим,
рабочими руками,
собственной головой
прошел он
этот путь.

* * *

Слова
у нас до важного самого
в привычку входят,
ветшают, как платье.
Хочу
сиять заставить заново
величественнейшее слово
«ПАРТИЯ».
Единица!
Кому она нужна?!
Голос единицы
тоньше писка.
Кто ее услышит? —
Разве жена!
И то
если не на базаре,
а близко.
Партия —
это
единый ураган.
из голосов спрессованный
тихих и тонких,
от него лопаются
укрепления врага,
как в канонаду
от пушек
перепонки.
Плохо человеку,
когда он один.
Горе одному,
один не воин —
каждый дюжий
ему господин,

и даже слабые,
если двое.
А если
в партию
сгрудились малые —
сдайся, враг,
замри
и ляг!
Партия — рука миллионопалая,
сжатая
в один
громающий кулак.
Единица — вздор,
единица — ноль,
один —
даже если
очень важный —
не подымет
простое
пятивершковое бревно,
тем более
дом пятиэтажный.
Партия —
это
миллионов плечи,
друг к другу
прижатые туго.
Партией
стройки
в небо
взмечем,
держа
и вздымая друг друга.
Партия —
спинной хребет рабочего класса.

Партия — бессмертие
нашего дела.
Партия — единственное,
что мне не изменит.
Сегодня приказчик,
а завтра
царства стираю в карте я.
Мозг класса,
дело класса,
сила класса,
слава класса —
вот что такое партия.
Партия и Ленин —
близнецы-братья —
кто более матери-истории ценен?
Мы говорим — Ленин,
подразумеваем — партия,
мы говорим — партия,
подразумеваем — Ленин.

Если бы
выставить в музее
плачущего большевика,
весь день бы
в музее
торчали ротозей.

Еще бы —
такое
не увидишь и в века!

Пятиконечные звезды
выжигали на наших спинах
панские воеводы.

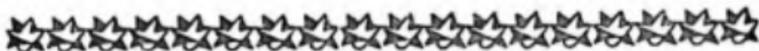
Живьем,
по голову в землю.
закапывали нас банды
Мамонтова.

В паровозных тонках
сжигали нас японцы,
рот заливали свинцом и оловом.
Отрекитесь! — ревели,
но из
горящих глоток
лишь три слова:
— Да здравствует коммунизм!

**ВРЕМЯ,
ВПЕРЕД!**

РАБФАКОВКЕ

Барабана тугой удар
Будит утренние туманы,—
Это скачет Жанна д'Арк
К осажденному Орлеану.

Двух бокалов влюбленный звон
Тушит музыка менуэта,—
Это празднует Трианон
День Марии Антуанетты.

В двадцать пять небольших свечей
Электрическая лампадка,—
Ты склонилась, сестры родней,
Над исписанною тетрадкой...

Громкий колокол с гулом труб
Начинают «святое» дело:
Жанна д'Арк отдает костру
Молодое тугое тело.

Палача не охватит дрожь
(Кровь людей не меняет цвета),—
Гильотины веселый нож
Ищет шею Антуанетты.

Ночь за звезды ушла, а ты
Не устала,— под переплетом

Так покорно легли листы
Завосванного зачета.

Ляг, укройся, и сон придет,
Не томися минутой лишней.
Видишь: звезды, сойдя с высот,
По домам разошлись неслышно.

Ветер форточку отворил,
Не задев остального зданья,
Он хотел разглядеть твои
Подошедшие воспоминанья.

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели.

Так же колокол ровно бил,
Затихая у барабана...
В каждом братстве больших могил
Похоронена наша Жанна.

Мягким голосом сон зовет.
Ты откликнулась, ты уснула.
Платье серенькое твое
Неподвижно на спинке стула.

Глаз
    кося
        в печати сургуча,
напролет
    болтал о Ромке Яacobсоне
и смешно потел,
        стихи уча.
Засыпал к утру.
    Курок
        аж палец свел...
Суньтесе —
    кому охота!
Думал ли,
        что через год всего
встречусь я
    с тобою —
        с пароходом.
За кормой луница.
    Ну и здорово!
Залегла,
    просторы надвое порвая.
Будто навек
    за собой
        из битвы коридоровой
тянешь след героя,
        светел и кровав.
В коммунизм из книжки
        верят средне:
«Мало ли
    что можно
        в книжке намолоть!»
А такое —
    оживит внезапно «бредни»
и покажет
    коммунизма
        естество и плоть.

ПУТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

И не теоретические споры,
И не примеры из литературы,
Но горы, и соленые озера,
И бурное взволнованное море,
И хмурые заоблачные зори —
Вот что влечет революционера,
Скорее практика, чем фантазера!

Не худо,
Сев на важного верблюда,
Направиться и к югу и к востоку!
Дари свободу бедному народу
И намечай железную дорогу!
Дари свободу! Что же это значит?
Дари им воду, букву, цифру, слово
И все, на что ты сам имеешь право,
Чтоб, ржаво треснув, рассыпались цепи...

В палящий зной нивелировка степи,
Анализ почв, промер воды в озерах —
Вот он один, высокий и прекрасный,
Тяжелый путь революционера,
Одна твоя немеркнущая слава!

1926

ПЕСНЯ

Н. Асееву

Ночь стоит у взорванного моста,
Конница запуталась во мгле...
Парень, презирающий удобства,
Умирает на сырой земле.

Теплая полтавская погода
Стынет на запекшихся губах.
Звезды девятнадцатого года
Потухают в молодых глазах.

Он еще вздохнет, застонет еле,
Повернется на бок и умрет,
И к нему в простреленной шинели
Тихая пехота подойдет.

Юношу стального поколения
Похоронят посреди дорог,
Чтоб в Москве еще живущий Ленин
На него рассчитывать не мог.

Чтобы шла по далям живописным
Молодость в единственном числе...

Девушки ночами пишут письма,
Почтальоны ходят по земле.

1931

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Такое нельзя не вспомнить. Встань, девятнадцатый год!
Не армии, скажем прямо,— народы ведут поход!
Земля — по моря в окопах, на небе — ни огонька.
У нас выпадали зубы с полуторного пайка.
Везде по земле железной железная шла страда...
Ты в гроб пойдешь — не увидишь, что видели мы тогда.
Я всякую чертовщину на памяти разотру,
У нас побелели волосы на лютом таком ветру.
Нам крышей служило небо, как вброн летела мгла,
Мы пили такую воду, которая камень жгла.
Мы шли от предгорий к морю,— нам вся страна отдана,
Мы ели сухую воблу, какой не ел сатана!
Из рук отпускали в руки окрашенный кровью стяг.
Мы столько хлебнули горя, что горе земли — пустяк!
И все-таки, все-таки, все-таки прошли сквозь огненный шквал.
Ты в гроб пойдешь — и заплачешь, что жизни такой не знал!
Не верь ни единому слову, но каждое слово проверь.
На нас налетал ежечасно многоголовый зверь.
И всякая гля в долине на сердце вела обрез.
И это стало законом вечером, ночью и днем,
И мы поднимали снова винтовки наперевес,
И мы говорили: «Ладно, когда-нибудь отдохнем».
Бери запоздалое слово и выпей его до дна,
Коль входит в историю славы единственная страна.
Ты видишь ее раздольный простор полей и лугов...

Не жалею, не встываю, не стыжусь
Ни перед кем, ни в документах, которые не солгут,—
Невиданные однолюбы в такое время живут.
Их вытянула эпоха, им жизнь и смерть отдана,
Блажи это верное слово и выпей его до дна.

Стучи в наше сердце, ненависть! Всяк ненависть ощетинь!

От нас шарахались волки, когда мертвецы почти,
Тряслись по глухому снегу, отбив насмерть потроха.
Вот это я понимаю, а прочее — чепуха!
Враги прокричали: «Амба!»

«Полундра!» — сказали мы.
И вот провели эпоху среди ненавистной тьмы.
Зеленые, синие, белые — сходились друг другу в масть.
Но мы отстояли, товарищ, нашу Советскую власть.

1930

МЫ

Мы — это воля людей, устремленных только вперед,
вперед!

От Белого моря до Сан-Диего слава о нас идет.
Огромные наши знамена — красный бархат и шелк.
Огонь, и воду, и медные трубы каждый из нас прошел.
В семнадцатом (глохни, романтика мира!) мы бились,
как черти, в лоск.

Каждый безусым пошел на фронт, а там бородой оброс.
В окопах выла стоймя вода, суглинок встал на песок.
Снайперы брали офицеров прицелом под левый сосок.
И вся страна была в огне — и мы по всем фронтам.
Шпиг и солдатский английский френч мы добывали
там...

Земля, война, леса, война... Земля была пуста.
Мы перебили всех ворон, всех галок на крестах!
Мы взяли вновь свою страну, мы в громе битв клялись.
Мы били белых под Орлом, под Жмеринкой дрались...
За этот бой, где пала сплошь кровавая роса,
Нас всех, оставшихся в живых, берут на небеса!
Но нам, ребята, не к лицу благословенный край...
Я сам отправил четверых прямой дорогой в рай.
Тут арифметика проста — гудит свинцовый рык.
Четыре порции свинца — в обрез на четверых.
Таков закон моей страны, ее крутая речь.
Мы все обязаны ее, Высокую, беречь...

Мы — миллионы людей бесстрашных, те, что разрушили
гнет.

По всем иноземным морям и странам слава о нас идет.
На тысячу верст знамена — красный бархат и шелк,
Огонь, и воду, и медные трубы каждый из нас прошел.

1930

К ПОРТРЕТУ СТЕПАНА РАДАЛОВА

Кузнец тебя выковал и пустил
По свету гулять таким,
И мы с удивленьем теперь тебе
В лицо рябое глядим.

Ты встал и, смеясь чуть-чуть, напролом
Сквозь тесный строй городьбы
Прошел стремительный, как топор,
В руках плечистой судьбы.

Ты мчал командармом вьюг и побед,
Обласкан огнем и пургой,
Остались следы твоего коня
Под Омском и под Ургой.

И если глаза сощурить — взойдет
Туман дымовых завес,
Голодные роты идут, поют,
Со штыками наперевес.

И если глаза сощурить — опять
Полюни, тайга и лед,
И встанет закат, и Омск падет,
И Владивосток падет.

Ты вновь поднимаешь знамя, ты вновь
На взмыленном Воронке,

И звонкою кровью течет заря
На занесенном клинке.

Полтысячи острых, крутых копыт
Взлетают, преграды сбив,
Пронесят кони твоих солдат
Косматые птицы грив.

И этот высокий, крепкий закал
Ты выдержал до конца —
Сын трех революций, сын всей страны
Сын прачки и кузнеца!

Едва ли, едва ли... Нет, никогда!
На прошлом поставлен крест.
Как раньше вел эскадроны — теперь
Ведешь в наступленье трест.

Смеются глаза. И твоей руки
Верней не бывало и нет.
И крепко знают солдаты твои
Тебя, командарма побед.

1931

РАССКАЗ О КУЗНЕЦКСТРОЕ
И О ЛЮДЯХ КУЗНЕЦКА

К этому месту будет подвезено в пятилетку
1 000 000 вагонов строительных материалов.
Здесь будет гигант металлургии, угольный
гигант и город в сотни тысяч людей.

Из разговора

По небу
          тучи бегают,
дождями
          сумрак сжат.
Под старою
          телегою
рабочие лежат.
И слышит
          шепот гордый
вода
          и под
          и над:
«Через четыре
          года
здесь
будет
          город-сад!»
Темно свинцовоночие,
и дождик
          толст, как жгут,

сидят
    в грязи
        рабочие,
сидят
    лучину жгут.
Сливеют
    губы
        с холода.
Но губы
    шепчут в лад:
«Через четыре
        года
здесь
    будет
        город-сад!»
Свела
    проmozглость
        корчею —
неважный
    мокр
        уют,
сидят
    впотьмах
        рабочие,
подмокший
    хлеб
        жуют.
Но шепот
    громче голода —
он кроет
    капель
        спад:
«Через четыре
        года
здесь
    будет
        город-сад!

Здесь
взрывы закудахтают
в разгон
медвежьих банд,
и взроют
недра
шахтою
стоугольный
«Гигант».

Здесь
встанут
стройки
стенами.
Гудками,
пар,
сипи.

Мы
в сотню солнц
мартенами
воспламеним
Сибирь.

Здесь дом
дадут
хороший нам
и ситный
без пайка,
аж за Байкал
отброшенная
попятится тайга».

Рос
шепоток
рабочего
над тьмю
тучных стад,
а дальше
неразборчиво.

Лишь слышно —
«город-сад».
Я знаю — город будет,
я знаю, саду —
цвести,
когда такие люди
в стране
в советской
есть!

1929

БОЛЬШЕВИКАМ ПУСТЫНИ И ВЕСНЫ

В Госторге, у горящего костра,
Мы проводили мирно вечера.
Мы собирали новостей улов
И поглощали бесконечный плов.
А ночь была до синевы светла,
И ныли ноги от казачьего седла.
Для нас апрель просторы распростер,
Мигала лампа,
И пылал костер.

Член посевокома зашивал рукав,
Предисполкома отгонял жука,
Усталый техник, лежа на боку,
Дописывал последнюю строку.
А по округе, на плуги насева,
Водил верблюдов
Большевицкий сев.

Шакалы воем оглашали высь.
На краткий отдых люди собрались.
Пустыня била ветром в берега,
Она далеко чуяла врага,
Она далеко слышала врагов —
Удары заступа и шарканье плугов.

Три раза в час в ворота бился гам:
Стучал дежурный с пачкой телеграмм,

И цифры, выговоры, слов напор
В поспешном чтенье наполняли двор.
Пустыня зыбилась в седой своей красе.
Шел по округе
Большевицкий сев.

Ворвался ветер, топот лошадей.
И звон стремян, и голоса людей.
Свет фонаря пронесся по траве,
И на веранду входит человек,
За ним другой, отставший на скаку.
Идет пустыня, ветер,
Кара-кум!

Крест-накрест маузеры. Рубахи из холстин.
Да здравствуют работники пустынь!
Ложатся люди, кобурой стуча,
Летают шутки, и крепчает чай.
На свете всё одолевать привык
Пустыню обуздавший большевик.
Я песни пел, я и сейчас пою
Для вас, ребята из Ширам-Кую.
Вам до зари осталось отдохнуть.
А завтра — старый караванный путь
На те далекие колодцы и посты.
Да здравствуют работники пустынь!

Потом приходит юный агроном,
Ему хотелось подкрепиться сном,
Но лучше сесть, чем на постели лечь,
И лучше храпа — дружеская речь.
В его мозгу гектары и плуги,
В его глазах зеленые круги.
Берись за чайник, пиалу налей.
Да здравствуют
Работники полей!

И после всех, избавясь от беды,
Стучат в Госторг работники воды.
Они в грязи, и ноги их мокры,
Они устало сели на ковры,
Сбежались брови, на черту черта.
«Арык спасли.
Устали. Ни черта!
Хороший чай — награда за труды».
Да здравствуют
Работники воды!

Но злоба конскими копытами стучит,
И от границы мчатся басмачи,
Раскинув лошадиные хвосты
На землю, воду и песок пустынь.
Дом, где сидим мы, — это байский дом.
Колхоз вспахал его поля кругом.
Но, чтобы убивать и чтобы взять,
Бай и пустыня возвращаются опять.
Тот топот конницы и осторожный свист
Далеко слышит по пескам чекист.
Засел прицел в кустарнике ресниц.
Да здравствуют
Работники границ!..

Вы, незаметные учителя страны,
Большевики пустыни и весны!
Идете вы разведкой впереди,
Работы много — отдыха не жди.

Работники песков, воды, земли,
Какую тяжесть вы поднять смогли!
Какую силу вам дает одна —
Единственная на земле страна!

1930

ЛЕДОВЫЙ КОРАБЛЬ

Шмидту

Когда в чукотские дали
Несло «Челюскина» дым,
Мы снова тогда сказали:
«А все-таки победим!»

Мы вместе боролись, странствовали
Без отдыха и без сна,
И с мостика капитанского
Глядела вперед страна.

Пускай прошла миллионоустая
Молва, что корабль погиб, —
От места, где пал «Челюскин»,
По миру пошли круги!

Он так затонул, что миру
Глаза захлестнула рябь,
Он был морей бригадиром,
Покрытый славой корабль.

Мы волю к победе ширим...
Не оттого ль крепки
За веснами, за Анадырем
На льдинах большевики?

За гибелью и за бурями,
Где злая вода шумит,
Мы вместе с тобой закуривали,
Отто Юльевич Шмидт!

«Челюскин»! И след! И дым его!
И мир, глазищи кругля,
Глядит на подвиг любимого
Нашего корабля.

На доблестного, советского,
Ходившего в дебри вьюг...
На крыльях Лянидовского
Мы выручили подруг.

Им есть от чего согреться:
«Спокойствие, большевики!»
На Север сормовский слесарь
Всматривается из-под руки.

Сквозь мглу и сиянье грозное:
«Спокойствие, большевики!» —
На Север смотрят колхозники,
На Север, из-под руки.

Они на крыльях вас вынесли —
Помогут стране своей,
Они не напрасно вырастили
Летчиков из сыновей.

Ими дороги вычерчены.
Трижды в снегах глухих
Мы выручили, мы выручили
Кровных братьев своих!

Выручили, чтоб снова
Шли мы вдоль их следов,
Выручили, как Димитрова,
Мы из фашистских льдов!

Чтобы, от славы грузные,
Смерть покорив, прошли
Новые «Челюскины» —
Красные корабли!

1934

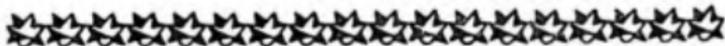

ЛЕНИНГРАДСКИЕ СТИХИ

(Отрывок)

...Ночью с первого на второе
со стихами,
влюблен и рад,
я по Мурманке до Свирьстроя
схал в поезде в Ленинград.
Я в стихах сочинял о Свири,
о воде ее цвета травы
и о том, что в огромном мире
только мы, как всегда, правы.
Переносим, что всем известно,
нам и силы на то даны,
реки злые с места на место
в два километра ширины.
Я писал, как с боков седая,
вся смятение и беда,
сквозь гребенку
летит, рыдая,
перекошенная вода.
И раскинулся город новый,
и к реке подошел в упор,
где когда-то стоял сосновый
и качался
и плакал
бор.

1934

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Мальчишку шлепнули в Иркутске.
Ему семнадцать лет всего.
Как жемчуга на чистом блюде,
Блестели зубы
У него.

Над ним неделю измывался
Японский офицер в тюрьме,
А он все время улыбался:
Мол, ничего «не понимаю».

К нему водили мать из дому.
Водили раз,
Водили пять.
А он: «Мы вовсе незнакомы!..»
И улыбается опять.

Ему японская «микада»
Грозит, кричит: «Признайся
сам!..»

И били мальчика прикладом
По знаменитым жемчугам.

Но комсомольцы
На допросе
Не трусят
И не говорят!

Недаром красный орден носят
Они пятнадцать лет подряд.

...Когда смолкает город сонный
И на дела выходит вор,
В одной рубашке и в кальсонах
Его ввели в тюремный двор.

Но коммунисты
На расстреле
Не опускают в землю глаз!
Недаром люди песни пели
И детям говорят про нас.

И он погиб, судьбу приемля,
Как подобает молодым:
Лицом вперед,
Обнявши землю,
Которой мы не отдадим!

1934

КОММУНИСТЫ ИДУТ ВПЕРЕД

(Из поэмы «Триполье»)

Утро.
Смазано небо
зарю, как жиром...
И на улице пленных
равняют ранжиром.

Вдоль по фронту, не сыто
оружьем играя,
ходит батько и свита
от края до края.

Ходит молча, ни слова,
не ругаясь, не спорясь,—
глаза черного, злого
прищурена прорезь.

Атаман опоясан
изумрудною лентой.
Перед ним секретарь
изогнулся паяцем.

Изогнулся и скалит
кариозные зубы,—
из кармана его
выливается шкалик.

Атаман, замечая,
читает рацею:
— Это льется с какою,
спрошу тебя, целью?
Водка — это не чай,
заткни ее пробкой...

Секретарь латыкает,
смущенный и робкий.

На ходу поминая
и бога и маму,
молодой Тимофеев
идет к атаману,
полфунтовой подковой
траву приминяя;
шита ниткой шелковой
рубаша льняная.

Сапоги его смазаны
салом и дегтем,
петушиным украшены
выгнутым когтем.

Коготь бьет словно в бубен,
сыплет звон за спиною:
— Долго чикаться будем
с такою шпанною? —
И тяжелые руки,
перстнями расшиты,
разорвали молчанье,
и выбросил рот:
— Пять шагов,
коммунисты,
кацапы
и жидаы!..

Коммунисты,
вперед —
выходите вперед!

Ой, немного осталось,
ребята,
до смерти...
Пять шагов до могилы,
ребята,
отмерьте!

Вот она перед вами,
с воем гниеньем,
с окончанием жизни,
с распадом,
с гниеньем.

Что за нею?
Не видно...
Ни сердцу, ни глазу...
Так прощайте ж,
весна, и леса, и снега!

И шагнули сто двадцать...
Товарищи...
Сразу...
Начиная — товарищи —
с левой ноги.

Так выходят на бой.
За плечами — знамена,
сабель чистое, синее
полукольцо.
Так выходят,
кто знает врагов
поименно...

Поименно —
не то чтобы только в лицо.
Так выходят на битву —
не ради трофеев,
сладкой жизни, любви
и густого вина...

И назад отступает
молодой Тимофеев,
руки налиты страхом,
нога сведена.
У Зеленого в ухе завяли монисты,
штаб попятился вместе,
багров и усат...
Пять шагов, коммунисты.
Вперед, коммунисты...
И назад отступают бандиты...
Назад.

1939

ГЕНЕРАЛ

Памяти Матя Залка

В горах этой ночью прохладно.
В разведке намаившись днем,
Он греет холодные руки
Над желтым походным огнем.

В кофейнике кофе клокочет,
Солдаты усталые спят.
Над ним арагонские лавры
Тяжелой листвою шелестят.

И кажется вдруг генералу,
Что это зеленой листвою
Родные венгерские липы
Шумят над его головой.

Давно уж он в Венгрии не был —
С тех пор, как попал на войну,
С тех пор, как он стал коммунистом
В далеком сибирском плену.

Он знал уже грохот тачанок
И дважды был ранен, когда
На запад, к горящей отчизне,
Мадьяр повезли поезда.

Зачем в Будапешт он вернулся?
Чтоб драться за каждую нядь,
Чтоб плакать, чтоб, стиснувши зубы,
Бежать за границу опять?

Он этот приезд не считает,
Он помнит все эти года,
Что должен задолго до смерти
Вернуться домой навсегда.

С тех пор он повсюду воюет:
Он в Гамбурге был под огнем,
В Чапсе о нем говорили,
В Хараме слышали о нем.

Давно уж он в Венгрии не был,
Но где бы он ни был — над ним
Венгерское синее небо,
Венгерская почва под ним.

Венгерское красное знамя
Его освящает в бою.
И где б он ни бился — он всюду
За Венгрию бьется свою.

Недавно в Москве говорили,
Я слышал от многих, что он
Осколком немецкой гранаты
В бою под Уэской сражен.

Но я никому не поверю:
Он должен еще воевать,
Он должен в своем Будапеште
До смерти еще побывать.

Пока еще в небе испанском
Германские птицы видны,
Не верьте: ни письма, ни слухи
О смерти его неверны.

Он жив. Он сейчас под Уэской.
Солдаты усталые спят.
Над ним арагонские лавры
Тяжелой листвою шелестят.

И кажется вдруг генералу,
Что это зеленой листвою
Родные венгерские лины
Шумят над его головой.

1937

ПЕСНЯ О РЕВОЛЮЦИИ

На заре, на зорюшке туманной,
По скучным, неласковым полям
Это я — оратай безымянный —
Сеял хлеб с тоскою пополам.
    Это я по городам и селам
    Ощупью искал твоих следов;
    Звал тебя я песней невеселой,
    Ждал тебя я тысячу годов.
Это я холодными ночами
Думу передумывал твою.
Это я с винтовкой за плечами
Шел сражаться за тебя в бою.
    Сквозь леса, сквозь дебри вековые
    Ты мою услышала тоску.
    Ты одна — за тысячу лет впервые —
    Руку протянула мужику.
Под его нечесаную крышу
Принесла счастливое житье.
От тебя от первой я услышал
Имя настоящее свое.
    И, твоим дыханием согретый,
    Ласкою обласканный твоей,
    Прохожу я по Стране Советов
    Как хозяин суши и морей.
Я не знаю, чрез какие реки,
По каким пройду еще местам,
Только знаю, что тебя вовеки
Никому в обиду я не дам.

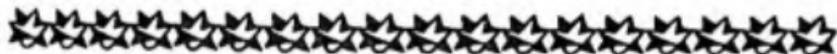
* * *

Лил дождь осенний. Сад грустил о лете.
За мной вода заравнивала след.
Мне подсказала дата и партбилете:
тогда мне было девятнадцать лет.

На город шел Колчак; у мыловарни
чернел окоп; в грязи была сирень;
а я сиял: я стал партийным парнем
в осенний тот благословенный день.

1937

ЛЮБАВА

(Отрывок из поэмы)

1

Синей осенью, в двадцать девятом,
о руду наострив топоры,
обнесли мы забором дощатым
первый склад у Магнитной горы.

Друг на дружке досаду срывая,
мы пытали друг друга всерьез:
— Где ж Индустрия тут мировая,
до которой вербовщик нас вез?..

Договоры подписаны нами,
дезертирами быть не расчет...
И пришлось нам в тот год с топорами
встать на первый рабочий учет.

До чего ж это здорово было!
Той же самой осенней порой
как пошла вдруг да как повалила
вся Россия на Магнитострой.

Обью, Вологдой, Волгою полой,
по-юнацки баской — без усов,
бородатую, да длиннополой,
да с гармониями в сто голосов.

Шла да грелась чайком без закуски,
по-мордовски — в лаптях напоказ,
сгоряча материлась по-русски,
по-цыгански бросалась в пляс.

Будто в войске, со всеми по-братски,
как на битву, союз заключив,
шли отменные шагом солдатским
то путиловцы,

то москвичи.

И дивился народ, раскрывая
удивленные тысячи глаз:
— Где ж Индустрия тут мировая,
та, что из дому требует нас?..

А вокруг — только степь на полмира,
тусклым камнем рыжеет гора,
да навстречу идут бригадиры,
комитетчики да повара.

У костров, до утра не гасимых,
под сияньем Полярной звезды
здесь во фронт становилась Россия,
все народы скликая в ряды.

И отсель до морей ледовитых
отдавалась в каждой груди:

— Землекопы есть?..

— Мы!..

— Выходите!..

— Есть партийные?..

— Есть!..

— Выходи!..

Я партийным по юности не был
 и в ударники шибко не лез,
 и ржаного пайкового хлеба
 мне хватало на ужин в обрез.
 Жил я вроде без лени и страха,
 может, слаб на большие дела,
 и своя, пусть худая, рубаха
 ближе к телу всегда мне была.
 Но скажу безо всякой оглядки,
 договор отработав сполна,
 здешних мест голоса и порядки
 переполнили сердце до дна —
 то ли ширью своей многолюдной,
 всем открытой на страдный постой,
 то ли близкою, завтрашней, чудной,
 несказанной пока красотой.
 И какую разгадку найти ей,
 если дивную, грозную — ту,
 кто — индустрией, кто — индустрией,
 кто — гигантом зовет красоту.

Был мне люб ее образ и страшен:
 весь в громах, в озаренном дыму,
 свыше сказочных замков и башен,
 недоступных уму моему.
 И еще — будто крепость, могучей,
 аж до неба, с железной трубой,
 той, что станет щитом или тучей
 над моей деревенской судьбой.

...Будто выдало время задаток,
 чтоб ценой отработанных сил
 жил и я под брезантом палаток,
 под подушкой портянки сушил.

По гудкам поднимался до свету,
шел под бурями, щеки знобя,
кроме города, коего нету,
никаких городов не любя.
Да чтоб ждал я по собственной воле,
по денечкам считая года,
как заветного дня своей доли,
как великого часа,

когда
встанет наземь в железной оправе
чудо-юдо — мудреный завод
и в деревню меня не отиравит,
а в ученье к себе позовет.

Вот и ждал я, да сбился со счета,
сколько дней отстоял я в строю,
сколько гербовых грамот почета
заработал на душу свою.
И не счесть ни в кубах

и ни в тоннах
не упомнить, какое число
леса, камня, земли да бетона
через руки мои перешло.
Сколько жару да хмельного пота,
силы сердца, да мозга, да рук
забрала и дала мне работа —
высший курс постройковых наук.

3

Стал я чуточку старше и крепче,
и не раз довелось замечать,
кто-нибудь да и спросит при встрече:
— А по батюшке как величать?..

А однажды сошлись на ночевку
все соседи мои за чайком.
Вдруг заходит охранник с винтовкой
и вслит мне немедля в партком.

Время позднее, стужа снаружи,
на меня все глазают молчком:
дескать, что ж — подпояшься потуже,
чай допей, запасись табачком.

Чай не чай, а пугать себя нечем.
И пошли. К огонькам, по прямой.
А пурга наседает на плечи,
а охранник молчит, как немой.

А в парткоме народу не меньше,
чем в нарядной у нас пред гудком.
Бригадир с первой домны, мой сменщик,
у порога шеннул мне: — Нарком!..

Ну, вхожу я. дают мне дорогу.
Я опешил... А тут наш прораб
увидал меня, вышел к порогу,
тянет к центру: давно, мол, пора!

Только слышу, как громко да часто
бьется сердце мое на весь мир.
А прораб говорит: — Наш участок...
по три нормы... бетон... бригадир...

Человек с обаятельным взглядом
глаз горячих, в искринках огня,
вдруг легко подымается рядом
и глядит и глядит на меня.

И тогда, задохнувшись огромным
рыбьим вдохом, я вымолвить смог:
— Добрый день... Я Егор...

с первой домны...

Добрый вечер, товарищ... — и смолк.
То ли грудь от волнения сжало,
то ли сердце зашло под пургой.
А нарком как ни в чем не бывало,
руку сжав, подсказал мне:

— Серго...

Никогда не игравший с мечтою,
я стоял наяву перед ним,
чести этакой вовсе не стоя
по трудам невеликим своим.

И при всех вдруг меня разуважил,
молвит, голосом ласку храня:
— Ну, спасибо товарищам вашим,
вам — от Партии и от меня!..

Чем же было теперь отвечать мне,
если в жизни моей небольшой
ни высоких заслуг за плечами,
ни глубоких наук за душой.

А нарком — напрямик, без осечки —
сыплет мне за вопросом вопрос —
про житье, про палатки, про печки,
про еду, да пимы, да мороз...

И, ни в чем не успев разобраться,
говорю, осмелев наконец:

— Это верно! Живем тут в прохладце...
Так и я ведь мужик, а не спец!..

Улыбнулся он, двинул бровями:
— Что ж, прошу извинить за прием
да за то, что послали за вами
невзначай человека с ружьем...—
А потом попрощался со мною,
сел на белый некрашенный стул
и, чуть-чуть покачав головою,
на прораба с укором взглянул.

4

Я не знаю, взаправду ли, в сказке —
каждый час,
каждый день,
каждый год
сам Железный нарком про-хозяйски
обходил все участки работ.
Будто б раз перед самым рассветом,
приглушив от волненья буры,
горняки его видели летом
на крутых горизонтах горы.
А под осень — на трапах плотины,
по приметам — действительно он,
с бригадиром одним беспартийным
полчаса толковал про бетон.
По сугробным, невидимым тропам,
поздним вечером, в лютый буран
он зашел на часок к землекопам
в освещенный костром котлован.

Может, нами порой не примечен,
утомясь от бессонниц и дел,
для торжественных радостей встречи
беспокоить он нас не хотел.
И, по компасу путь выбирая,
шел пешком, через ямы и тьму,

к первым стройкам переднего края,
лишь по картам знакомым ему.
Ну а люди легко разглядели,
самым сердцем подмстив в тот час,
как шагает он в длинной шинели,
нахлобучив кубанку до глаз.

Каждый раз — и зимою и летом —
не по слухам, не зря, не тайком,
по своим незабвенным приметам
знали мы, что приехал нарком.

Эх и мыкались братцы завхозы,
окна мылись, и шторы цвели,
и прорабы метались, как грозы,
под ногами не чуя земли.

И не как-то бочком да вразвалку —
все начальники наши в момент
враз бросались к бетономешалкам
добывать нам песок и цемент.
Будто в праздник, на скатерти белой,
вся бригада, садясь у стола,
даже щи со сметаной ела,
даже чай с белым хлебом пила.
А по складам, конторам, столовым
проходило железное слово —
шепотком, отдаваясь как гром
огнестрельное слово: —

Нарком!

И недаром, бывало, с устатку,
загораясь душевным огнем,
горожане в походных палатках
по ночам толковали о нем.

Дескать, наш,
настоящий,
народный —

Комиссар всех заводов и гор,
будто он еще в давние годы
вел с самим Ильичем разговор:
как Россию спасем да распашем,
доживем до великой поры,
станем строить индустрию нашу
у чудесной Магнитной горы.
...И теперь вот, по-воински туго
сжав солдатскую пряжку ремня,
он проходит, оставивший друга
тихо спящим сейчас у Кремля.
В самый полдень, на зорьке, ночами
он идет сквозь жару и сквозь снег,
строгий-строгий, железный начальник,
Ильичевой души человек.

...Мы вчера разобрали палатку,
перебрались в бревенчатый дом,
домну сдали под сборку да кладку,
вроде б с домной простились на том.
Желтой курткой шагреновой кожи
наградил меня нынче цехком...
Даже будни на праздник похожи
при отменном порядке таком.

И возможно, взаправду как в сказке,
каждый час,
каждый день,
каждый год
мой товарищ Серго по-хозяйски
обходил все участки работ.

КОНАРМЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

По военной дороге
Шел в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год.
Были сборы недолги.
От Кубани и Волги
Мы коней поднимали в поход.

Среди зноя и пыли
Мы с Буденным ходили
На рысях на большие дела.
По курганам горбатым,
По речным перекатам
Наша громкая слава прошла.

На Дону и в Замостье
Тлеют белые кости.
Над костями шумят ветерки.
Помнят псы атаманы,
Помнят польские паны
Конармейские наши клинки.

Если в край наш спокойный
Хлынут новые войны
Проливным пулеметным дождем,
По дорогам знакомым
За любимым наркомом
Мы коней боевых поведем.

1935

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
Они нас выдумают снова —
Сажень косая, твердый шаг —
И верную найдут основу,
Но не сумеют так дышать,
Как мы дышали, как дружили,
Как жили мы, как впопыхах
Плохие песни мы сложили
О поразительных делах.
Мы были всякими, любимы,
Не очень умными подчас.
Мы наших девушек любили,
Ревнуя, мучась, горячась.
Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.
Они нас выдумают мудрых,
Мы будем строги и прямы,
Они украсят и припудрят,

И все-таки
    пробьемся мы!..
И пусть я покажусь им узким
И их всесветность оскорблю,
Я — патриот. Я — воздух русский,
Я землю русскую люблю.
Я верю, что нигде на свете
Второй такой не отыскать,
Чтоб так пахнуло на рассвете,
Чтоб дымный ветер на песках...
И где еще найдешь такие
Березы, как в моем краю!
Я б сдох как пес от ностальгии
В любом кокосовом раю.

1940

**ВСТАВАЙ,
СТРАНА
ОГРОМНАЯ!**

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!
Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей.
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!
Не смеют крылья черные
Над родиной летать.
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!
Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

1941

ПОКОЛЕНИЕ ЛЕНИНА

(Отрывок из поэмы «Самое такое»)

Уже опять к границам сияым
составы
тайные
идут,
и коммунизм опять
так близок,
как в девятнадцатом году.
Тогда
матросские продотряды
судили корнетов
револьверным салютцем.
Самогонщикам —
десять лет.
А поменьше гадов
запирали
«до мировой революции».
Помнишь — с детства —
рисунок:
чугунные путы
человек сшибает
с земшара
грудью!
Только советская нация
будет
и только советской расы люди...

Если на фуражках нету
звезд.

повяжи на тутью
марлю...

красную...

Подымай винтовку,
кровью смазанную,

подымайся
в человечесий рост!

Кто понять не сможет,
будь глухой, --
на советском языке

команду в бой!

Уже опять к границам сизым
составы тайные идут,
и коммунизм опять так близок,
как в девятнадцатом году.

ПРИСЯГА

Советского Союза гражданин —
Я клятву нерушимую даю:
От волн каспийских до полярных льдин
Бережь большую Родину мою...

На верность присягну СССР,
И голос сердца для врага — грозой.
Передо мной Чапаева пример
И подвиг героический Лазо.

Не сдав ни пяди дорогой земли,
Они дыханье отдали стране.
Их образы сияют нам вдали,
Их клятва раздается в тишине.

Германцев гонит легендарный Щорс,
Комбриг Котовский принимает бой,
И к Феликсу чекисты на допрос
Ведут шпионов полночью глухой...

Клянусь твоею памятью, Ильич,
Твоей, Отчизна, клятвой боевой —
Я пронесу родных Советов клич
В стальном строю, в цепи передовой!

1941

ОКТЯБРЬСКАЯ ЗВЕЗДА

Гремит война, отчизну потрясая,
Суровый мрак окутал города.
Но ты горишь, горишь. не угасая,
Великая Октябрьская звезда.

В грозе и в буре ты взошла над нами,
И в светлый путь с тобою мы пошли,
И ты, звезда, венчала наше знамя,
Святое знамя трудовой земли.

Над родиной сверкая четверть века,
Сегодня ты особенно светла, —
За право жить, за счастье человека
Ты вновь народы в битву подняла.

Звезда земли, любимой и свободной,
Ты нас ведешь на грозный, правый бой,
Везде нам светит знак твой благородный,
И каждый воин осенен тобой.

Ты всюду с нами в битве исполинской —
И в час побед, и в тяжкий смертный час,
Отцовским словом, лаской материнской
Ты греешь сердце каждому из нас.

В тебе слились все думы об отчизне,
Весь жаркий пыл отваги молодой, —

Ведь все, что было радостного в жизни,
Все связано с Октябрьскою звездой.

Свободы нашей пламень пятикрылый
Не угасить злодеям никогда!
Вперед, друзья! Ударим с новой силой!
За родину, за все, что сердцу мило,
Веди нас в бой, Октябрьская звезда!

Ноябрь — декабрь 1942

СТИХИ О ЛЕНИНГРАДСКИХ БОЛЬШЕВИКАХ

Нет в стране такой далекой дали,
не найдешь такого уголка,
где бы не любили, где б не знали
ленинградского большевика.

В этом имени — осенний Смольный,
Балтика, «Аврора», Петроград.
Это имя той железной воли,
о которой гимном говорят.

В этом имени бессмертен Ленин,
и прославлен город на века,
город, воспринявший облик гневный
ленинградского большевика.

Вот опять земля к сынам возвала,
крикнула: — Вперед, большевики! —
Страдный путь к победе указала
ленинским движением руки.

И, верны уставу, как присяге,
вышли первыми они на бой,
те же, те же смольнинские стяги
высоко подняв над головой.

Там они, где ближе гибель рыщет,
всюду, где угроза велика.

Не шадить себя -- таков обычай
ленинградского большевика.

И идут, в огонь идут за ними,
все идут — от взрослых до ребят,
за безжалостными, за своими,
не шадящими самих себя.

Нет, земля, в неволю, в когти смерти
ты не будешь отдана, пока
бьется хоть единственное сердце
ленинградского большевика.

Сентябрь 1941

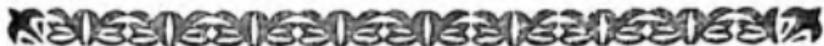

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым,—
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит.

Ленинград, июль 1941

КИРОВ С НАМИ

(Из поэмы)

Домов затемненных громады
В зловещем подобии сна,
В железных ночах Ленинграда
Блокадной поры тишина.
Но тишь разрывается воем —
Сирены зовут на посты,
И бомбы свистят над Невую,
Огнем обжигая мосты.
Под грохот полночных снарядов,
В полночный воздушный налет,
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.
В шинели армейской походной,
Как будто полков впереди,
Идет он тем шагом свободным,
Каким он в сраженья ходил.
Звезда на фуражке алеет,
Горит его взор огневой,
Идет, ленинградцев жалея,
Гордясь их красой боевой.

Стоит часовой над водою —
Моряк Ленинград сторожит,
И это лицо молодое
О многом ему говорит.

И он вспоминает матросов
Каспийских своих кораблей,
Что дрались на волжских откосах.
Среди астраханских полей.
И в этом юнце крепкожилом
Такая ж пригожая стать,
Такая ж геройская сила,
Такой же огонь неспроста.
Прожектор из сумрака вырыл
Его бескозырку в огне,
Название победное «Киров»
Грозой заблестало на ней...

Разбиты дома и ограды,
Зияет разрушенный свод,
В желсных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.
Боец, справедливый и грозный,
По городу тихо идет.
Час поздний, глухой и морозный...
Суровый, как крепость, завод.
Здесь нет перерывов в работе,
Здесь отдых забыли и сон,
Здесь люди в великой заботе,
Лишь в капельках пота висок.
Пусть красное пламя снаряда
Не раз полыхало в цехах,
Работай на совесть, как надо,
Гони и усталость, и страх.
Мгновенная оторопь свяжет
Людей. Но выходит старик, —
Послушай, что дед этот скажет,
Его неподкупен язык:
«Пусть наши супы водяные,
Пусть хлеб на вес золота стал,
Мы будем стоять, как стальные,

Потом мы успеем устать.
Враг силой не мог нас осилить,
Нас голодом хочет он взять,
Отнять Ленинград у России,
В полон ленинградцев забрать.
Такого вовеки не будет
На невском святом берегу,
Рабочие русские люди
Умрут, не сдадутся врагу.
Мы выкуем фронту обнова,
Мы вражье кольцо разорвем,
Недаром завод наш суровый
Мы Кировским гордо зовем*.

В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.
И сердце прегордое радо,
Что так непреклонен народ...

Глашатай советского века,
Трибуном он, воином был
На снежных предгорьях Казбека,
Во мраке подпольной борьбы.
Он помнит кровавые, злые,
В огне астраханские дни,
И ночи степные, кривые,
Как сабли сверкали они.
Так сердцем железным и нежным
Осилит он много дорог,
Сражений, просторов безбрежных,
Опасностей, горя, тревог.
Но всей большевистской душою
Любил он громаду громад
Любовью последней, большою —
Большой трудовой Ленинград.
...Но черные дни набежали,

Ударили свистом свинца.
Здесь люди его провожали
Как друга, вождя и отца.
И Киров остался меж ними,
Сражаясь, в работе спеша,
Лишь вспомнят могучее имя —
И мужеством крепнет душа.

И в ярости злой канонады
Немецкую гробить орду
В железных ночах Ленинграда
На бой ленинградцы идут.
И красное знамя над ними,
Как знамя победы, встает.
И Кирова грозное имя
Полки ленинградцев ведет!

В КОМСОМОЛЬСКОМ ПОЛКУ ПЕРЕД БОЕМ

Перед боем в степи
От большого затишья — мертво.
Память, только не спи!
Мне и так не припомнить всего.

Но о том, как в снегу
Комсомолец лежал под огнем,
Рассказать я смогу,
Не смогу позабыть я о нем.

Маскхалат чуть белей,
Чуть светлей, чем степные снега,
Чем сугробы полей
В запотевшем прицеле врага.

Мы тушили костры,
Нас во мраке разыскивал враг.
Мы сползали с горы
На исходный, в глубокий овраг.

Нам звонил генерал.
И, петляя в траншеях кривых,
Наш комсорг подбирал
Для разведки ребят боевых.

Перед боем душа
Жестока, и нежна, и щедра.

Мы вставали снеча.
Мы шептали комсэргу: — Пора...

Восемь дотов тупых
Вдоль дичейного снега торчат.
Над ракетницей — вспых,
Над ракетчиком -- темень и чад.

Восемь дотов -- вразмол!
(Амбразуры огнем не моргнут.)
Здесь пойдет комсомол
Через десять — пятнадцать минут.

А пока на боку
Наш комсорг проверяет наган.
В комсомольском полку
Повторяют приказ по слогам.

Перед боем в степи
Тишина холодна и мертва.
Но летят по цене
От солдата к солдату слова:

-- Я пригнусь и рванусь
По азубренной кромке огня.
Если я не вернусь,
Коммунистом считайте меня...

МЕНЯ ПОСЫЛАЕТ РАЙКОМ

Я все это помню как будто сирсонок:
таежный поселок, больница в снегу.
А в чуме охотника болен ребенок,
и, значит, отец мой поедет в тайгу.

Отчаянный ветер бросал на колени,
четвертые сутки редела пурга.
У нарт беспокойно застыли олени,
закинув на спины крутые рога.

Отца проводник дожидался у входа.
Негромко встревоженно ахнула мать:
— Куда тебя носит в такую погоду?
Смотри — ни дороги, ни зги не видать!..

Олени над снегом как будто взлетели
и дернули нарту упрямым рывком,
и ветер уже далеко из метели
доносит: — Меня посылает райком!..

Над Родиной встало военное небо,
тринадцатый месяц народ на постах.
Не досыта сна и не досыта хлеба.
Идут эшелоны в багровых крестах.

И я становилась взрослей и суровой,
на донорский пункт приходя и делясь

с товарищем раненым каплями крови:
тринадцатый месяц — тринадцатый раз.

Усталая мама не скажет ни слова,
сухие глаза вытирает платком
и знает, что надо. и знает, что снова
скажу ей: — Меня посылает райком!

Я детям своим передам как наследство
счастливое мирное детство мое.
Пусть будет у сына хорошее детство!
Но если когда-нибудь крикнут: — В ружье! —

Я выведу к поезду сына-солдата.
И если заплачу — при всех, не тайком, —
он сдержит меня и спокойно и сжато
ответит: — Меня посылает райком!

ПАРТИЙНАЯ РЕКОМЕНДАЦИЯ

Он с моря Карельский громил перешеек,
Он вел к островам краснофлотский десант.
Веселый комсорг молодежных ячеек,
Отважный боец, строевой лейтенант.
В боях закаленный?.. Отвечу — едва ли
Он к жизни походной за сутки привык.
И сводки штабные не раз сообщали,
Как бьется с врагом молодой большевик.
И на берег вражий прорвался он с тыла,
Но пуля шальная нашла его след,
Он рацен был трижды, но некогда было
Ему разорвать санитарный пакет.
Ваошел на маяк, не пугаясь накрытий,
За руки товарищей славных держась,
Едва прошептал: «Доложить разрешите —
С Кронштадтом налажена прочная связь».
Он первым ступил на песок Лавенсаари,
Он в шлюпке с десантом сидел на руле.
Он песню сложил о своем комиссаре
И пел ее новой, советской земле.
Нам тысячи нынче на флоте знакомы,
Подобных вот этой, партийных анкет...
Спросили собравшихся члены парткома:
«Товарищи, есть возражения?» — «Нет!»

В ОСАДНУЮ НОЧЬ

Где б я ни жил, Москва всегда со мной.
...Я вижу Кремль, заснеженный, седой,
И площади торжественной убранство,
И Мавзолей, который в этот час
Не только врезан гранями в пространство,
Он в сердце врезан каждому из нас.
Вокруг гранита траурные ели —
Серебряные, синие, в снегу.
И танки через площадь прогремели
И вдаль умчались, кутаясь в пургу.

Осадной ночью не спала столица.
На фронт, на битву двигалась Москва,
Солдатские обветренные лица,
Прощальные последние слова.
И мимо Мавзолея, вдаль, на запад.
Прошли войска в заснеженную тьму,
И каждому подумалось внезапно,
Что Ленин обращается к нему.

Казалось, он шагает перед строем,
К передовым позициям спеша,
И чувствовали русские герои,
Как наполнялась мужеством душа.
Как в сердце входит ленинская сила,
Не раз в бои водившая народ,
Которая нам жизнь определила

На многие столетия вперед.
Не разглядишь и лиц друзей сквозь вьюгу,
А он ходил всю ночь по блиндажам
И пожимал натруженные руки
Героям — командирам и бойцам.
И войны стремительно и гордо
Шли в смертный бой, не пряча головы,
Отбрасывая танковые орды
От Ленина, от сердца, от Москвы.

1942

ПРОВОДЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ БРИГАДЫ

Поздний август шумел ворохами
оранжевых листьев
По безлюдному саду, по площади, по мостовым.
Расстился над городом серый, удушливо-мглистый
Занесенный ветрами пожара тасжного дым.

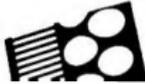
В это раннее утро казались ровесники старше,
В это раннее утро был хмур и угрюм горизонт...
По прямому проспекту, с развернутым знаменем,
маршем

Коммунисты идут.
Коммунисты уходят на фронт.

Брови сдвинуты. Сжаты сухие, упрямые губы.
Лица серы от пыли. Под кожей щек — желваки.
Уезжают на запад ангарской тайги лесорубы,
Енисейских низовьев охотники и рыбаки.

Рядом с ними идут остроскулые дети Тунгуски,
Смуглокожие люди ковыльных хакасских степей.
И, друзей провожая по давним обычаям русским,
Штормовую волну о берег гремит Енисей.

Торопливо подходят к вокзалу. Состав уже подан.
А гудки все ревут. Все ревут, не смолкая, гудки.
И хромой ветеран революции пятого года
Тихо шепчет им вслед: — Дорогие... Родные... Сынки...

И как высшая честь и как лучшая братская ласка
Прозвучит после боя солдатский простой говорок:
— Ты откуда, браток?
— Издалека я. Из Красноярска.
Я к Берлину иду с берегов Енисея, браток!

СЛАВА

За пять минут уж снегом талым
Шинель запорошилась вся.
Он на земле лежит, усталым
Движеньем руку занеся.

Он мертв. Его никто не знает.
Но мы еще на полпути,
И слава мертвых окрыляет
Тех, кто вперед решил идти.

В нас есть суровая свобода:
На слезы обрекая мать,
Бессмертье своего народа
Свою смертью покупать.

1942

ПОСЫЛАТЬ В АТАКУ...

Ночь освещает подбитые танки.
В небе какой-то шатается ас.
Тихо зачитан приказ об атаке.
Краткий. Сухой. Беспощадный приказ.

Снова вести под огонь пулеметный
Чьих-то мужей, и отцов, и сынов.
Кто из них вскоре раскинется мертвым,
В мокрой траве засыпая без снов?

Кто из них будет безногим? Безруким?
Поле сраженья пройдя до конца,
Кто из них будет рассказывать внукам
Об огнедышащем утре Донца?

Так, взбудоражены кратким приказом,
Тем, что вести на погибель велит,
Мечется в поисках истины разум,
Сердце, как старая рана, болит.

Но, командир, в эту ночь фронтовую
Сосредоточься и окаменей...
Трудно в атаку ходить штыковую,
Но посылать в штыковую — трудней!

1943

• • •

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без аваний и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...

1944

У ОГНЯ

Кружится испанская пластинка.
Изогнувшись в тонкую дугу,
Женщина под черною косынкой
Пляшет на вертящемся кругу.

Одержима яростною верой
В то, что он когда-нибудь придет,
Вечные слова «Yo te quiero»¹
Пляшущая женщина поет.

В дымной, промерзающей землянке,
Под накатом бревен и земли,
Человек в тулупе и ушанке
Говорит, чтоб снова завели.

У огня, где жарятся консервы,
Греет свои раны он сейчас,
Под Мадридом продырявлен в первый
И под Сталинградом — в пятый раз.

Он глаза устало закрывает,
Он да песня — больше никого...
Он тоскует? Может быть. Кто знает?
Кто спросить посмеет у него?

---

¹ По-испански: «Я тебя люблю».

Проволоку молча прогрызая,
По снегу ползут его полки.
Южная пластинка, замерзая,
Делает последние круги.

Светит догорающая лампа,
Выстрелы да снега синева...
На одной из улочек Дель-Кампо,
Если ты сейчас еще жива,

Если бы неведомою силой
Вдруг тебя в землянку залучить,
Где он, тот голубоглазый, милый,
Тот, кого любила ты, спросить?

Ты, подняв опущенные веки,
Не узнала б прежнего, того,
В грузном, поседевшем человеке,
В новом, грозном имени его.

Что ж, пора. Поправив автоматы,
Встанут все. Но, подойдя к дверям,
Вдруг он вспомнит и мигнет солдату:
— Ну-ка, заведи вдогонку нам.

Тонкий луч за ним блеснет из двери.
И метель их сразу обовьет.
Но, как прежде, радуясь и веря,
Женщина вослед им запоеет.

Потеряв в снегах его из виду,
Пусть она поет еще и ждет:
Генерал упрям, он до Мадрида
Все равно когда-нибудь дойдет.

* * *

В бою под Орлом, под Варшавой,
В жестоком огне батарей
Я чувствовал слева и справа
Поддержку окопных друзей.

И видел, как кто-то смелее
И старше намного меня,
Себя самого не жалея,
Шел прямо на ливень огня.

Тогда я узнал, что такое
Священный почтеннейший долг.
— За мною! — взмахнувши рукою,
Скомандовал громко парторг.

И как бы там смерть ни косила,
И что б ни грозило вдали,
Земная партийная сила
Меня поднимала с земли.

На трудном пути каменистом
Смотрел я вперед, а не вниз,—
И стал потому коммунистом,
Что вел меня в бой коммунист.

ВЗВОД РАЗВЕДКИ

Танки — на закат.
Пушки — на закат.
Тягачи — на закат.
А взвод не берет «языка».
На переднем крае пехота
чаевничает
                                ржавой водой
  из болота,
и уже штабники
                                поговаривают едко,
что генералу
                                пора
  разогнать разведку.
А разведка
                                пятые сутки
  лазит ночами
(так приказал начальник
  штаба),
но всё —
                                как в начале:
в болотном тумане
                                встает рассвет,
потери есть,
                                пленных —
  нет.
Ротный грозил штрафной и стыдил.

А потом —

к генералу.

в штадив...

Генерал

штрафной не грозил.

Он смотрел

на мои сапоги в грязи

и говорил устало:

— Во что бы то ни стало

взять «языка» до рассвета

и огневые доразведать. —

А начальник политотдела,

не перестававший болеть,

вставил хрипло:

— На прошлой неделе

мы дали тебе партийный билет... —

И отвернулся

к стене на постели.

Я глазами

к земляному полу прирос.

а генерал

протянул пять папирос.

толстых:

— На, покури.

(Мы курили всё,

до коры.) —

Я взял.

— Разрешите идти?

— Иди... —

И — бегом — через штадив...

Я пришел во взвод.

До захода солнца

собрал коммунистов и комсомольцев —

всего пять человек.

Я отдал им

генеральский «Казбек».

Я к ним не стал обращаться с речами,
я сказал им:

— Вы за меня ручались.

Вы

собственноручно в мою анкету
внесли номера

партийных билетов.

Ты, Нырков, и ты, помкомвзвод. —

Так вот...

Мы вышли на фланге

первой роты,

было озабочено

пулеметы,

и казалось,

не в шестой —

в сотый

мы животами осушаем болото...

На сосенках тонких

изморози кружево.

Ракета?

Только б

не обнаружили.

Кочка.

Кустик.

А рассвет —

не медлит.

Стреляют?

Пусть их.

Только б не заметили.

Триста. Двести.

Сто метров.

Нет совести

у ветра.

Выползает луна

из-за леса,

а у нас

сто

до броска.

Погоди, рыжая,

помоги людям.

Выживем —

не забудем.

Погоди, медная,

тебе ж страшнее...

Тридцать метров

до траншеи...

Дивизия — на закат.

Армия — на закат.

Фронт — на закат.

Взвод взял «языка».

ГОВОРIT КОМИССАР ПОЛКА

Тебя поставили политруком
Не для того, чтоб проводить парады,
А для того, чтоб русским языком
Ты объяснял своим солдатам правду.

Ты эту правду вычитал из книг,
Но эти книги правильные были,
И ты толково разобрался в них
И отличаешь ерунду от были.

Высокой мерой человека мерьте —
Ее солдаты выдержат вполне.
Скажите им о жизни и о смерти,
О Родине, о мире, о войне.

Без дела голоса не повышайте —
Солдаты все запомнят и учтут.
Курить газеты? Можно. Разрешайте,
Но только те, которые прочтут.

Почаще брейтесь. Думайте про танки
И помните, что политаппарат
Не подымает рядовых в атаки.
Но если врылись в землю и лежат —
Вставайте, выбегайте из окопа,
И ежели поверил вам народ —
Так он пройдет за вами пол-Европы
И дальше, если скажете, пойдет!

СОЛДАТ

Стирая рукавом
Со лба густую кровь,
Перед бойницей вражеского дота,
Укрыт глубоким рвом,
Он целится и вновь
Сечет разящей строчкой пулемета.

Взрывается снаряд,
Земля летит вразброс,
Осколки рвут бугры промерзлых кочек,
А пули все летят,
Как будто в землю врос
Ожесточенный боем пулеметчик.

Смешался с кровью пот
Солдатского труда.
Несутся с лягом танки по полянке.
Метелица метет,
И красная звезда
Мерцает на заснеженной ушанке.

И динамит, и тол,
И воющий металл,
И злая лихорадка автомата...
Он в этот ад вошел,
Он в пламени познал
Свой трудный долг пехотного солдата.

Веда за годом год
Жестокою борьбу,
Он, в громе исполинских наступлений,
На сотни лет вперед
Устраивал судьбу
Рожденных и грядущих поколений.

Для радости труда
Отвагою храним,
Он родине несет победы дар чудесный.
Душа моя горда,
Что жил я рядом с ним,
Что помогал ему своей солдатской песней.

ВРЕМЯ

Еще штыками обернутся песни,
Еще придут и отшумят бои.
Придет домой седеющий ровесник,
Придут не все ровесники мои.
Оставшимся — счастливо оставаться.
Но с этим миром в утреннем дыму
Договорились мы не расставаться —
И мы вернемся бронзою к нему.
У вас сады. У вас цветенье лета,
И юноши по мрамору идут
Сквозь волны круглосуточного света,
И холодно быть памятником тут.
...Когда ты выйдешь с лекций на закате,
О наших размышляя временах,
Навек ушедших в толщи хрестоматий,
О наших запыленных именах, —
Почувствуй нас взволнованней, чем лектор:
Ведь и от вас мы отвели беду.
Товарищ мой, бредущий по проспекту
В трехтысячном немислимом году.

ДЕЛО О ПОДЖОГЕ РЕЙХСТАГА

Ты помнишь это дело о поджоге
Рейхстага?
Давний тридцать третий год...
Огромный Геринг, как кабан двуногий,
На прокурорской кафедре встает.
Еще не внят историей к ответу,
Он хочет доказать неправду свету:
«Рейхстаг большевиками подожжен!»

Но вот пред всеми — смуглый, чернобровый —
Встал подсудимый. Чистый и суровый,
Он в кандалах, но обвиняет — он!
Он держит речь, неистовый болгарин.
Его слова секут врагов, как жгут.
А воздух так удушлив, так угарен, —
На площадях, должно быть, книги жгут.

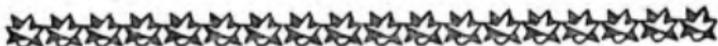
...В тот грозный год я только кончил школу.
Вихрастые посланцы комсомола
Вели метро под утренней Москвой.
Мы никогда не видели рейхстага.
Нас восхищала львиная отвага
Болгарина с могучей головой.

Прошло немало лет.
А в сорок пятом
Тем самым, только выросшим, ребятам

Пришлось в далеких побывать местах,
Пришлось ползти берлинским зоосадам...
«Ударим зажигательным снарядом!
Горит рейхстаг! Смотри, горит рейхстаг!»

Прекрасный день — тридцатое апреля.
Тяжелый дым валит из-за колонн.
Теперь — не выдумка — на самом деле
Рейхстаг большевиками подожжен.

МОЛОДЫЕ КОММУНИСТЫ

Наш стаж еще не вымерен годами,
Пять лет от силы — вот он, кровный, наш.
Но он шагал такими большаками,
Где день за год засчитывался в стаж.
Нам партия дала свои начала
И вехи, по которым нас вела,
Рукой отдела кадров записала
Навечно в наши личные дела.
Не раз мы были пулями отпеты,
Но, исходив все смертные пути,
Мы с семизначной цифрой партбилеты
Сквозь семь смертей сумели пронести.
И правильность законов диамата
Проверили с гранатами в руках
На улицах Орла и Сталинграда,
На венских и берлинских площадях.
Чужую старь сличая с нашей новью,
Мы, повидав полдюжины столиц,
Узнали цену каждому присловью
Изрядно обветшавших заграниц.
Испытанные партией на деле,
Мы с ней пришли к черте большого дня,
Когда нам приказали снять шинели,
Не оставляя

линии
огня!

Т
ВОЗЫВНУЕ
МРА

ПРИШЕДШИМ С ВОЙНЫ

Нам не речи хвалебные,
Нам не лавры нужны,
Не цветы под ногами,
Нам, пришедшим с войны,
Нет,

не это.

Нам надо,
Чтоб ступила нога
На хлебные степи,
На цветные луга.

Не жалейте,

не жалуйте отдыхом нас,

Мы совсем не устали.
Нам — в дорогу как раз!
Не глядите на нас

с умилением, не

удивляйтесь живым.

Жили мы на войне!

Нам не отдыха надо
И не тишины.
Не ласкайте нас званьем
«Участник войны».

Нам —

трудом обновить

ордена и почет!

Жажда трудной работы
нам ладони сечет.
Мы окопами землю изрыли,
пора

Нам точить лемехи
И водить трактора,
Нам пора:
звон оружия —
на звон топора,

Посвист пуль —
на шипенье пилы
и пера.

Ты прости меня, милая.
Ты мне жить помоги.
Сам шинель я повешу,
Сам сниму сапоги.
Сам тебя поведу,
Где дома и гроза.
Пальцы в пальцы вплету
И глазами — в глаза.
Я вернулся к тебе,
Но кольцо твоих рук —
Не замок,
не венок,
не спасательный круг.

ПОРТРЕТ

Сносились мужские ботинки,
армейское вышло белье,
но красное пламя косынки
всегда освещало ее.

Любила она, как отвагу,
как средство от всех неудач,
кусочек Октябрьского флага —
осеннего вихря кумач.

В нем было бессмертное что-то:
останется уголок платка,
как красный колпак санюлота
и черный венок моряка.

Когда в тишину кабинетов
ее увлекали дела, —
сама революция это
по каменным лестницам шла.

Такие на резких плакатах
печатались в наши года —
прямые черты делегатов,
молчащие лица труда.

1945

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД!

Есть в военном приказе
Такие слова,
На которые только в тяжелом бою
(Да и то не всегда)
Получает права
Командир, поднимающий роту свою.

Я давно понимаю
Военный устав
И под выкладкой полной
Не горблюсь давно.
Но, страницы устава до дыр залистав,
Этих слов
До сих пор
Не нашел
Все равно.

Год двадцатый.
Коней одичавших галоп.
Перекоп.
Эшелоны. Тифозная мгла.
Интервентская пуля, летящая в лоб, —
И не встать под огнем у шестого кола.

Полк
Шинели
На проволоку побросал, —

Но стучит над шинельным сукном пулемет,
И тогда

еле слышно

сказал

комиссар:

— Коммунисты, вперед!

Коммунисты, вперед!

Есть в военном приказе

Такие слова!

Но они не подвластны

Уставам войны.

Есть —

Превыше устава —

Такие права,

Что не всем,

Получившим оружие,

Даны...

Сосчитали штандарты побитых держав,

Тыщи тысяч плотин

Возвели на реках.

Целину подымали,

Штурвалы зажав

В заскорузлых,

Тяжелых

Рабочих руках.

И пробило однажды плотину одну

На Свирьстрое, на Волхове иль на Днестре.

И пошли головные бригады

Ко дну,

Под волну,

На морозной заре

В декабре.

И когда не хватало
«Предложенных мер...»
И шкафы с чертежами грузили на плот,
Еле слышно

сказал

молодой инженер:

— Коммунисты, вперед!.. Коммунисты,
вперед!

Летним утром
Граната упала в траву,
Возле Львова
Застава во рву залегла.
«Мессершмитты» плеснули бензин в синеву,—
И не встать под огнем у шестого кола.
Жгли мосты
На дорогах от Бреста к Москве.
Шли солдаты,
От беженцев взгляд отводя.
И на башнях
Закопанных в пашни КВ
Высыхали тяжелые капли дождя.

И без кожуха
Из сталинградских квартир
Бил «максим»,
И Родимцев ощупывал лед.
И тогда

еле слышно

сказал

командир:

— Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!

Мы сорвали штандарты
Фашистских держав,

Целовали гвардейских дивизий шелка
И, древко
Узловатыми пальцами сжав,
Возле Ленина
В мае
Прошли у древка...

Под февральскими тучами —
Ветер и снег,
Но железом нестынушим пахнет земля.
Приближается день.
Продолжается век.
Индееют штыки в караулах Кремля.

Повсеместно,
Где скрещены трассы свинца,
Или там, где кипенье великих работ,
Сквозь века,
на века,

навсегда,

до конца:

— Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!

НА БЛИЖНИХ ПОДСТУПАХ

I

Что не по нас — мы скажем иногда:
«При коммунизме будет по-другому».
А по-какому?

Двигутся года.
Путь в будущее — как дорога к дому.

Чем ближе, чем виднее этот дом,
тем реже рассуждаем мы о том,
какими он нас встретит чудесами.
Ведь нам за все придется отвечать,
хозяева не выйдут нас встречать, —
мы будем там хозяевами сами.

Мы первые откроем этот дом,
распахнутые комнаты заселим
рабочей мыслью, праздничным трудом,
чудесным вдохновеньем и весельем.
Пересмотри же кладь своей души,
товарищ мой, к чужим ошибкам строгий,
сам разберись, подумай и реши,
что брать с собой,

что бросить по дороге.

II

Не думай, что разбудят нас
однажды, поздно или рано,
чтоб указать нам точный час
и день осуществленья плана.
Не пробуй из газет и книг
узнать точней об этом часе.
А хочешь видеть первый миг,
чем он отличен, чем прекрасен,
его зарю, его восход,
будь пристальной — пора настала! —
гляди вокруг, спеши вперед,
живи на свете, как живет
твоя держава, твой народ.
затем, что вот оно, начало!

III

Что там, за четвертой пятилеткой?
Цель все ближе. Выверен маршрут.
В будущее первую разведкой
стал людской самозабвенный труд.

И настолько замыслы огромны,
что сдается сердцу иногда:
тот чугуны, что нынче варят домны,
та, вчера добытая, руда,
уголь, подаваемый по штрекам,
лес, который движется по рекам, —
это все идет уже туда,
в те почти что аримые года.

Срубленное дерево не вянет,
с новою встречается судьбой
и уже при коммунизме станет
домом или дымом над трубой.

Именно затем из пепла встали
светлые цеха Запорожстали,
чтоб воздать строителям добром.

Эту сталь года не затуманят,
и она при коммунизме станет
самолетом, трактором, пером.

Ученик в ремесленной спецовке,
что пришел к машине лишь вчера,
учится расчету и сноровке,
маленький, смекалистый и ловкий.
У него особая примета:
он в коммунистические лета
вырастет в большие мастера.

И от непрерывного движенья
воздуха, которым я дышу,
все крепчает в сердце ощущение:
лучшее свое стихотворенье
я при коммунизме напишу!

1948

КРАСНОЕ И БЕЛОЕ

Мне в этот день была обещана
Поездка в черные кварталы,
Прыжок сквозь город, через трещину.
Что никогда не зарастала,
Прикрыта, но не зарубцована
Ни повестями сердобольными,
Ни честной кровью Джона Брауна,
Ни Бичер-Стоу, ни Линкольнами.
Мы жили в той большой гостинице
(И это важно для рассказа),
Куда не каждый сразу кинется
И каждого не примут сразу,
Где ежедневно на рекламе,
От типографской краски влажной,
Отмечен номерами каждый,
Кто осчастливлен номерами;
Конечно — только знаменитый,
А знаменитых тут — засилие:
Два короля из недобитых,
Три президента из Бразилии,
Пять из подшефных стран помельче
И уж конечно мистер Черчилль.
И в этот самый дом-святилище,
Что нас в себя, скривясь, пустил еще,
Чтобы в Гарлем везти меня,
За мною среди бела дня

Должна

заехать

негритянка.

Я предложил: не будет лучше ли
Спуститься — ей и нам короче.
Но мой бывалый переводчик
Отрезал — что ни в коем случае,
Что это может вызвать вздорную,
А впрочем — здесь вполне обычную,
Мысль, что считаю неприличным я,
Чтоб в помер мой входила черная.
— Но я ж советский! — Что ж, тем более
Она поднимется намеренно,
Чтоб в вас, советском, всею болью
Души и сердца быть уверенной. —
И я послушно час сидел еще,
Когда явилась провожатая,
Немолодая, чуть седеющая,
Спокойная, с губами сжатыми.
Там у себя — учитель в школе,
Здесь — и швейцар в дверях не сдвинется,
Здесь — черная, лишь силой воли
Прошедшая сквозь строй гостиницы.

Лифт занят был одними нами.
Чтоб с нами сократить общение,
Лифтер летел, от возмущения
Миная цифры с этажами.
Обычно шумен, но не весел,
Был вестибюль окутан дымом
И ждал кого-то в сотнях кресел,
Не замечая шедших мимо.
Обычно.

Но этот раз
Весь вестибюль глазел на нас.
Глазел на нас, вывертывая головы,

Глазел, сигар до рта не доташив,
Глазел, как вдруг на улице на голого,
Как на возникший перед носом взрыв.

Мы двое были белы цветом кожи,
А женщина была черна,
И все же с нами цветом схожа
Среди всех них

была одна она.

Мы шли втроем навстречу глаз свинцу,
Шли, взявшись под руки, через расстрел их,
Шли трое красных

через сотни белых,

Шли как пощечина по их лицу.
Я шкурой знал, когда сквозь строй прошел там,
Знал кожей сжатых кулаков своих:
Мир поделим на черных, смуглых, желтых,
А лишь на красных — нас

и белых — их.

На белых — тех, что, если приглядеться,
Их вид на всех материках знаком,
На белых — тех, как мы их помним с детства,
В том самом смысле. Больше ни в каком.
На белых — тех, что в Африке ль, в Европе
Мы, красные, в порохом дыму
В последний раз прорвем на Перекопе
И сбросим в море с берега в Крыму!

1948

НЕМЕЦ

В Берлине, на холодной сцене,
Пел немец, раненный в Испании,
По обвинению в измене
Казненный за глаза заранее.
Пять раз друзьями похороненный,
Пять раз гестапо провороненный,
То гримированный, то в тюрьмах ломанный,
То вновь иголкой в стог оброненный.
Воскресший, бледный, как видение,
Стоял он, шрамом изуродованный,
Как документ Сопrotивления,
Вдруг в этом зале обнародованный.
Он пел в разрушенном Берлине
Все, что когда-то пел в Испании,
Все, что внутри, как в карантине,
Сидело в нем семь лет молчания.
Менялись оболочки тела,
Походки, паспорта и платья.
Но, молча душу сжав в объятья,
В нем песня еле слышно пела,
Она охрипла и болела.
Она в жару на досках билась,
Она в застенках огрубела
И в одиночках простудилась.
Она явилась в этом зале,
Где так давно ее не пели.
Одни, узнав ее, рыдали,

Другие глаз поднять не смели.
Над тем, кто предал ее на муки,
Она в молчанье постояла
И тихо положила руки
На плечи тех, кого узнала.
Все видели, она одета
Из-под Мадрида, прямо с фронта:
В плащ и кожанку с пистолетом
И тельманку с значком Рот-Фронта.
А тот, кто пел ее, казалось,
Не пел ее, а шел в сраженье,
И пересохших губ движение,
Как ветер боя, лиц касалось.

. . . . .

Мы шли с концерта с ним, усталым,
Обнявшись, как солдат с солдатом,
По тем разрушенным кварталам,
Где я шел в мае в сорок пятом.
Я с этим немцем шел, как с братом,
Шел длинным каменным кладбищем,
Недавно — взятым и проклятым,
Сегодня — просто пепелищем.
И я скорбел с ним, с немцем этим,
Что, в тюрьмы загнан и поборот,
Давно когда-то, в тридцать третьем,
Он не сумел спасти свой город.

1948

ПАМЯТИ ЛЕНИНА

1

В глухую, безвестную волость,
Где лес от села до села,
При мне эта страшная новость
По санному следу пришла.

Она перед тем на рассвете
Весь шар облетела земной
И все провода на планете
Успела заполнить собой.

А тут и не дальние дали,
Да глушь — зановедный удел.
Мы даже гудков не слышали,
Лишь ветер по трубам гудел.

Но в тяжком негаданном горе
Была в это утро равня
Столицам деревня Загорье,
Лесная моя сторона.

Стояла над скопищем сонным
Снегами заваленных крыш,
Над миром, бедой потрясенным,
Морозная жесткая тишь.

И полоз, рыдающий в поле,
И утренний скрип журавля
Отчетливы были до боли,
Отсюда слышны до Кремля.

Зачем это снова и снова
Звучит их нещадная песнь,
Когда уже сказано слово,
Когда уже слышана весть?

И каждому было с той вестью
Не в силах сидеть одному,
Большие и малые, вместе
Собрались мы в школьном дому.

А в школе до этого часа,
Как начал сходиться народ,
Ребятам из старшего класса,
Нам было довольно хлопот.

Мы в ельник ходили гурьбою,
Что был на задах невдали,
Ломали морозную хвою,
Охапками в школу несли.

Недетской заботою — дети —
Мы были в то утро полны,
И ветки еловые эти
Не к празднику были нужны.

Не праздника ради мы сами
Спустили над школьной стеной
Знакомое красное знамя,
Подшив его черной каймой.

Помыла полы сторожика,
И люди в назначенный срок
С надворья морозного тихо
Ступили на школьный порог.

И незачем было к порядку
Просить, как на сходке в селе,
Когда наш учитель тетрадку
Свою разложил на столе.

Никто не садился. Стояли.
И были, казалось, полны
Не только глубокой печали,
Но чувства какой-то вины.

Стояли в заплатанной грубо
Овчине, обвиснувшей с плеч.
Беззвучные двигались губы
У многих, что слушали речь.

А слушали с думой суровой
И строгостью горькой лица,
Чтоб всю, до единого слова,
Вместить бережливо в сердца.

Ту скорбную истовость схода
С годами я помню живей.
Великая сила народа
И вера мне видится в ней.

Не в ту ли годину прощанья
В своей ощутил он груди
Готовность на все испытанья,
Что ждали его впереди?

Не в горе ль своем молчаливом,
Поникнув тогда головой,
Уже он был полон порывом
На подвиг неслыханный свой?

Порывом на жертвы, на муку,
Что вряд ли под силу иным,
На трудную с прошлым разлуку,
На встречу с грядущим своим.

Порывом, исполненным страсти,
На чудо свершающий труд
И волей к целебному счастью,
И славе, что с бою берут.

Не тем ли огнем устремленным
Горели сердца у людей
И в траурном зале Колонном,
И в школе далекой моей?

Да, в час, как навек провожали
Учителя, друга, отца,
В своей обрели мы печали
Решимость идти до конца.

2

Есть горе души одинокой,
Есть горе друзей и родни.
Живет оно в сердце до срока
Хотя бы и долгие дни.

Но горе народа бессрочно,
И так велика его власть,
Что внукам оно правомочно
И правнукам на душу ласть.

Мы только в заботах о деле,
Завещанном нашей судьбе,
Печали предаться не смели
И боль подавляли в себе.

И если б мы были иными,
Согбенными горем своим,
Мы памяти б той изменили.
Которую свято храним.

А спросим друг друга, брат брата,
Товарищ товарища. — Нет!
Утрата осталась утратой,
И нету ей давности лет.

И, может, чем ближе мы к цели,
Указанной нам Ильичем,
Не меньше, чем прежде, скорбели,
А больше мы будем о нем.

В трудах и боях возмужала
Советская наша земля,
Его мировая держава,
Свободных народов семья.

Ее благородным победам
История дань воздает.
И сю проложенным следом
Полмира сегодня идет.

Ей гимны слагают поэты
Всех сущих народов иных...
Ему бы увидеть все это,
Что видел он в думах своих.

Ему бы, ему бы, родному,
Подняться из гроба сейчас.
И горечь той мысли знакома,
Присуща любому из нас.

Не смеркнула скорбная дата,
Горит ее пламенный свет.
Утрата осталась утратой,
И нету ей давности лет.

Бессрочна она и безмерна,
И мы ее в вечность несем.
Как Ленина дело бессмертно,
Так память бессмертна о нем.

3

Не тысяча лет миновала
С той памятной миру зимы,
Когда — от велика до мала —
Остались без Ленина мы;

Когда с ним столица прощалась
И каждое наше село.
Не тысяча лет насчиталась,
Но, может быть, больше прошло...

Я помню, в суровом молчанье,
С застывшею горечью лиц,
Из школьного зданья сельчане
В тот вечер домой разошлись.

И вот уже дверь сторожика
Тихонько впотьмах заперла.
И стало пустынно и тихо
В том классе, где сходка была;

Где я по погоде жестокой
Остался один на почлег,
Тринадцатилетний, далекий
Теперь от меня человек —

В ушанке, в суконной поддевке,
Расчетливо сшитой на рост,
Но память об этой ночевке
Я через все годы пронес...

Синели в окошке сугробы
Под лунным морозным лучом.
И вот я как будто у гроба
Остался один с Ильичем.

И страшным ничто не казалось
Мне в эти часы одному,
Но острая горькая жалость
Меня охватила к нему.

Пусть в давнюю эту годину
Я был еще попросту мал,
Я книжки его ни единой
Еще и в руках не держал.

Я видел его на портрете,
Я слышал от старших о нем
Не больше, чем сверстники-дети
В краю захолустном моем.

Но помню, от горя слабея,
Я с чувством единственным лег,
Что я его больше жалею,
Чем кто бы то ни было мог,
И что при нужде неминуемой,
Как смерть ни страшна самому.

Уж лучше бы мне эта участь,
Но только б она не ему.
И если такую заменой
Уже не вернуть ничего,
Тогда я хочу непременно
Погибнуть за дело его.
Я буду служить ему честно,
Я всю ему жизнь посвящу,
Хотя и не будет известно
О том никогда Ильичу.

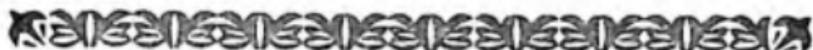
С горячей и чистой любовью
Я клятву свою произнес.
И сумка моя в изголовье
Намокла от радостных слез.
И, к ней приныкая устало,
Я так и уснул до утра.
Проснулся — уже рассветало,
Дрова принесли со двора.

А там свирепела погода,
Со стоном по улице шел
Январь незабвенного года...

В тот год я вступил в комсомол.

1948 — 1949

ЕДИНАЯ, МОГУЧАЯ, СТАЛЬНАЯ

Для каждого, кто рос с отчизной вместе,
Кто вместе с ней сражался в трудный час,
Истоком правды, доблести и чести
Была родная партия для нас.

Года нас отделяют от начала,
Но жить — века, сердца глаголом жечь! —
Как будто бы вчера лишь прозвучала
К борьбе призывом ленинская речь.

В ней партии была программа
И зерна те, которым расцвести!
С тех пор идем по-большевистски прямо
По ленинскому мудрому пути.

Ты коммунист! Нет в мире выше слова!
Тебе открыты светлые края;
Всей нашей жизни крепкая основа —
С народом слита партия твоя!

И ты стоишь в рядах несокрушимых,
И все, что здесь вдалеке кругом,
И все, что с детства так тобой любимо,
Все то, что нежно родиной зовем, —

Все охраняет партия родная,
Орлиный взгляд, что видит на века!

Единая, могучая, стальная,
Под руководством нашего ЦК!

И где б ты ни был на родных просторах,
Где светит пламень вольного труда,
В улыбках братских, задушевных взорах
Ты встретишь дружбу верную всегда.

И ты стоишь, как рядовой, как воин,
Крепя державу мирную трудом,
Высокого доверья удостоен —
Быть членом партии, большевиком.

Растет и крепнет милая отчизна,
Все шире фронт свершений и побед:
И светят, светят зори коммунизма,
И с каждым годом ярче этот свет.

Нас вдохновляет партия родная —
Орлиный взгляд, что видит на века!
Единая, могучая, стальная,
Под руководством нашего ЦК!

К ПАРТИИ

Бегут часы. Я за трудом бессонным.
Я должен слово верное найти.

Стучат часы. А в мире законном
Звенит мороз. И снег идет с наклоном
На железнодорожные пути.

Идет на стрелки, будки, на колеса.
Идет на насыпь. Валится с откоса.
Там просят помощи. Спешат помочь.
И тем слышней, чем вьюга злей крепчает,
Друг друга спрашивают — отвечают —
Локомотивы, вкатываясь в ночь.

...Я снова слышу давнюю тревогу.
Так мы боялись потерять дорогу
В тот мутный час в челябинской степи.
Так мы боялись потерять друг друга,
Так мы перекликались через вьюгу,
Так друг меня упрасивал: — Не спи. —
И я смотрел сквозь белый лед ресничин.
И не желал пред бурей падать ниц.
Я молод был. И смел. И романтичен.
Я не надел, конечно, рукавиц.

Казались пальцы лишними в ботинках.
А друг шептал: — Собьемся? Ничего!

Свою проложим, новую, тропинку! —
Он возраста был тоже моего.

И нет. Мы шли совсем не на задание.
Но в куртках, в шапках латаных, юнцы.
Мы шли на комсомольское собрание,
Мы в школу шли, в село Череновцы.

Там ждали нас. Там речи только с жаром
Велись, как бы самой зиме назло.
Там слово вырывалось вместе с паром.
Там было очень все-таки тепло.

Там было все — от форточки знакомо
До карты той, с флажками, на стене.
...В новостке дня стоял вопрос приема.
Он был о нас. О друге. Обо мне.

Там ждали нас. Но, как мы ни бодрились,
Нам путь уже не тем казаться стал.
И кто-то крикнул: — Хватит! Заблудились.
На месте кружим. Я уже устал...

Спешат часы. А в мире законном
Звенит мороз. И снег идет с наклоном
На железнодорожные пути.

Я вновь услышал давнюю тревогу.
Но мы дошли. Но мы нашли дорогу.
Мы даже песню спели у порога.
Мы все. И тот, кто мог и не дойти.

Теперь мне проще стало все казаться.
И все ж та ночь в забвенье не ушла.
Гордился я своей рекомендацией.
Она от члена партии была.

А чем была ты, партия, для детства?
И песню, доставшейся в наследство.
И крейсера «Аврора» резкой реей.
Чеканным шагом. Стягом кумача.
В ноябрьский день — трибуной Мавзолея.
В январский день — портретом Ильича.

Бегут часы. Я за трудом бессонным.
Я должен слово верное найти.
Я дам отвод всем общим и казенным,
Надменным фразам на своем пути.

Я вспоминаю давнюю тревогу...
Но если я начну неладно жить,
Забыв опасность потерять дорогу,
Начну на месте сослепу кружить,
Отстану, лично поступаясь целью,
Своею частью общего пути,
Я вспомню нас — детей, ту ночь с метелью
И то упорство: выдержать, дойти.

...И вере той, ни в чем не изменяя,
В пути труда, в пороховом дыму,
Я буду верен!

В том и присягаю
Я имени большому твоему.

1955

РАЗГОВОР С РЕВОЛЮЦИЕЙ

Я тревожусь,
что не по возрасту
в окружении всяческих дел
разучился ходить по воздуху —
притяженья
не одолел.
По задымленным шляхам
копытами
кони красных отрядов бьют.
На обрыве
перед бандитами
комсомольцы Триполья поют.
Умирать не хочется до смерти!
И поют, и поют,
а вдали
голоса,
голоса краснодонские
откликаются
из-под земли.
Мои руки
к оружию
рвутся.
Я ведь тоже уже молодой!
И склоняется
Революция
над горящей моей головой.
Говорит мне простое и нужное:

«Собирайся,
товарищ,
в путь.
Только ты не проси оружия —
ты оружие сам добудь».
Я встаю.
Я выдержу.
Сдюжу я!

Не сгибаясь,
весь на виду,
безоружный
иду за оружием,
без друзей
за друзьями иду!
Ни уютной тепленькой сырости,
ни сгибающим спину годам,
ни мещанской постыдной сытости
Революцию
я
не продам!

1955

СОСНЫ НА БЕРЕГУ

А. Пунченко

Неправда! Есть еще в пороховницах
Запас хороший пороха сухого.
И есть еще на глубине души
Святая нерастроченная совесть.
Она-то и дает, наверно, право
Глядеть в глаза, и верить, и любить,
И обнимать с надеждою за плечи
Редеющих, как зимний лес, друзей.

Я каждый день хожу сосновой рощей
По берегу янтарного залива,
Где ветер, набегающий со взморья,
Гудит в вершинах и несет по склону
Сыпучий снег с песком сыпучих дюн,
Где грозно замерзающее море
Кувалдами тяжелыми колотит
В береговой белеющей припай.

Давно я знаю, что покоя нету,
Что счастье человека вне покоя,
Что время выдувает из души
Всю накипь неудачи и сомнения,
Как ветер, набегающий со взморья,
Сдувает пену с бесконечных волн.

«Пройдет и это» — мудрость Соломона
Не нашему характеру сродни.
Мы любим землю. Мы земные люди.
Мы жили больше в помыслах грядущим
И очень мало для себя самих.
Гредел Октябрь над нашей колыбелью
Раскатами «Авроры». Резал уши
В два пальца свист метели продувной.
Походные костры и бивуаки,
Забутые могильные курганы
И серый пепел страсти и раздумий
На рано поседевших волосах.

Мы не сдались. Мы, словно эти сосны
По берегу, все в ссадинах и шрамах,
Корявые, высокие, прямые,
Ломаемся, но не умеем гнуться.
Мы глубоко в земле сплелись корнями,
Мы в небесах вершинами сплелись.
И бурю, налетающую с моря,
Встречаем грудью, как всегда, в упор.

Редеем мы. Но выстоять нам надо.
Уже встает, уже шумит подлесок,
Поддерживая нас и подпирая,
Вершинами вытягиваясь к солнцу,
По-своему шумит...

1956

АППАССИОНАТА

Поток обрушился и, вспененный,
Кипит, бушует, клокоча.
Сосредоточен взгляд у Ленина,
Прищурен взгляд у Ильича.

Чуть голова назад откинута,
Ильич не поднимает век...
Поток грохочет.
Ночь раздвинута.
Шагает к счастью человек.

Аудитория взволнована,
И каждый в звуки погружен.
И Ленин слушает Бетховена,
Как может слушать только он.

Пред ним встает лицо скуластое,
Копна волос над мощным лбом.
Кто над чужой душою властвует,
Тот сам не должен быть рабом!

Жизнь обдавала зноем,
Холодом,
Он знал, что сердце лишь одно,
И славу, и любовь, и молодость —
Все сразу не вместит оно.

Земля ветрами атакована.
Бьет океан со всех сторон.
И Ленин слушает Бетховена.
Как может слушать только он!

1956

ВОЗВРАЩАЯСЬ ИЗ ДАЛЕКА

Я видывал страны,
где тупость венчают почетом,
Где слава и честь
измеряются банковским счетом,

Где смелого судят,
а умного гонят и травят,
Где в прессе продажной
продажные доблести славят,

Где к братству вывадет
печальный священник в сутане,
А на ночь в домах
закрываются наглухо ставни.

Я песни там слышал —
они поневоле унылы,
Я видел цветы —
их там любят носить на могилы.

И алые розы,
ни в чем не повинные сами,
На старых кладбищах
живыми лежат мертвецами.

Я ехал домой,
и вливалась мне в душу отрада —

Ни чувства полнее,
ни лучшей мне доли не надо!

Я рад, что народ мой
поднялся открыто и честно
За правду, которая
всем на планете известна,

Что он ни земли,
ни чужого не ищет богатства,
Что он уважает
законы соседства и братства.

Он бурь не боится,
смеется над пугалом смерти.
Трудны его будни,
а песни всех звонче на свете.

Сквозь все испытанья
проходит он сомкнутым строем,
Цветами своими
он путь устилает героям.

Я рад, что рожден я
и рос среди русской природы,
Что вместе с народом
я был в эти трудные годы,

Что в жизни свободно
иду по свободному краю
И лучше дороги
и счастья надежней не знаю!

ОКТЯБРЬ

Оставив наше мирное жилье,
В урочный час, в погоду, в непогоду,
Свершаем путешествие свое
К исходному семнадцатому году.

Не просто экскурсанты в выходной,
Что сквозь стекло глядят на экспонаты,
Опять, в который раз очередной,
Идем туда — под песни и гранаты.

И я с другими рядышком шагал
Сквозь дождь и снег, в безмолвии и в гаме,
И я Октябрь годами постигал,
Как жизнь, что постигается годами.

Он с каждым разом в облике ином
Являлся, нашей сделавшись судьбою:
Он в детстве был неясным сладким сном,
Октябрьским красным флагом и стрельбою.

Он в юности отчаянно манил
Соленым ощущением простора,
Отвагою живущих в сердце сил
И ленточкою с надписью «Аврора».

Но все равно он был еще тогда
Лишь праздником, осенним Первомаем.

Летят года... И в зрелые года
Вновь для себя Октябрь мы открываем.

Мы к Октябрю сквозь время подошли,
И ясно нам, его путем идущим,
Что это философия Земли
Сегодня и тем более в грядущем.

...Мы вновь и вновь свершаем дальний путь,
Туда, где пламенеет эта дата.
И нам волненье сдавливает грудь,
Как лента пулеметная когда-то.

1957

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Голубинные крылья ветер
в небе полощет.
Я не видывал неба
такого
высокого.
Всякий
может прийти
на эту площадь,
А я бы туда
не пускал всякого.
Не хочу,
чтобы там
рандеву назначали
Те, кто с пьяным весельем
знакомы ночами,
Чтобы наглый пижон
в заграничной ковбойке
Говорил девице
смазливой и бойкой:
«Дорогая моя,
чтоб не разминуться,
Мы встречаемся в восемь
на Революции...»
Пусть приходят туда
только самые чистые,
Только самые честные,
самые сильные.

Пусть приходят девчонки
с глазами лучистыми,
Прибегают мальчишки
с букетами синими!
Не пускайте туда лицемеров пошленьких,
Закажите дорогу
карьеристам и выжигам —
Слишком яркою кровью
название площади
На фасадах всех зданий
в стране моей выжжено.

Вот такую бы я
предложил резолюцию
Относительно
площади Революции...

1956

Шагами тишь распорота:
раз-два, раз-два, раз-два!
И я иду, и я иду —
ремень вошел в плечо,—
Несу звезду,
мою звезду,
что светит горячо.
Всем людям я
звезду несу,
пяти материкам.
Недвижен Днепр,
синее Днепр —
славянская река.
И невысоко над Днепром,
где стонут провода,
Другая
блещет хрусталем
холодная звезда.
Живу, люблю, умру в ночи —
все так же будет стлать
Она бесстрастные лучи
на снежную кровать.
Свеча в окне губкома,
из труб не вьется дым.
Дорогой незнакомой
идти нам,
молодым.
Идти Россией и Кремлем
в неслыханный простор,
Идти полночным патрулем —
подсумок, штык, затвор.
Пойдешь направо — там Колчак,
от крови снег рябит.
Пойдешь налево —
там Берлин,
там Либкнехт Карл убит.

ПЕСНИ КОМИНТЕРНА

Забытой песней детство
Поднимется,
Когда
Попробую взглядеться
В примолкшие года.

И, разрезая зримо
Незримую черту,
Я вижу берег Крыма
В разреженном чаду.

Срываясь вдаль с откоса,
Колебля горизонт,
Звенит «Бандьера росс»,
Гремит «Рот-Фронт».

Не стелются, не льются,
В них медный слышен гуд —
Солдаты революции
Вершат над миром суд.

Живут, как в зримом чуде.
И юны и седы,
Невиданные люди
Неслыханной судьбы.

В каких потом восстаниях
Они встречали дни,
В каких они Испаниях
Сожгли свои огни?
Пусть, встреченные смертью,
Погасли их глаза, —
Как прежде в лад столетью
Звучат их голоса.

Уж то необоримо,
Что в счастье и в беду
Я вижу берег Крыма
В разреженном чаду.

Где море дышит мерно
И, накаляя зной,
Песни Коминтерна
Пылают надо мной.

1959

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Была, овеянная славой,
Страна темна и голодна,
Когда на смену той, кровавой,
Пришла «холодная война».

Не станет областью преданий:
С каким стеклянным блеском глаз
Смотрел союзник наш недавний
На страшно бедствующих нас.

Не каждый стан в стране работал.
И, чтоб продлить разрухи срок,
Никто нам винтика не продал,
Заклепкой лишней не помог.

Нас, где могли, за горло брали
Прямые, кровные враги.
А мы их мягко называли —
«Определенные круги».

Они всегда на гнусность скоры,
Забыв и Ялту, и Потсдам,
Все разрывали договоры,
Сулившие поставки нам.

Мир на земле стоял непрочный,
И, бед немислимых полна,

С надеждою на класс рабочий
Смотрела мирная страна.

А в нем, простреленном навывлет,
Решалось главное тогда:
Осилит или не осилит.
И он осилил, как всегда.

Я помню те, незатяжные,
Без многословности пустой,
Собрания общецеховые
С их митинговой прямотой.

Там без красивости парадной
И без лирической канвы
Была простой и крайне краткой
- Речь представителя Москвы.

И мир кривился буржуазный,
И было радостно до слез,
Что оборонные заказы
В работу с ходу шли, с колес.

Тогда, срывая планы НАТО
И придавая силы нам,
Магическое слово «надо»
Ходило ахом по цехам.

И в этом кратком русском слове
Так ясно слышалось опять,
Что нашей Родине не внове
Задачи трудные решать.

7
В НА НОВЫХ
РУБЕЖАХ

линия

И снова вставали столбы на дыбы,
Вращая белками фарфоровых
чашек.

По просеке в город
спешили столбы

Через горы, болота и чащи.

Они в проводах приносили тепло

Рабочих ладоней,

натруженных где-то.

И в домах становилось тепло,

И дома наполняло

светом.

А где-то в тайге

трудовые года

Считает ребятам

кукушка-цыганка

И по ночам согревает сигарка

Руки, горящие даром труда.

И в зелень, и в синь,

И в рассветы вправленные,

Шагают столбы

Через холод и дождь...

Электролинию,

а самое главное —

Партийную линию

ведет молодежь.

«ПОД ОГНЕМ»

Я листал
Журнал «Журналист».
Я прочитал
Этот скорбный лист.
Перед глазами стоит с тех пор:
«Ранен рабкор...»,
«Избит рабкор...»,
«Ранен селькор...»,
«Убит селькор...»
Человек писал всю ночь до утра.
В газете — петита на сорок строк.
В спину ему послал говора
Щелкнувший в черной ночи курок.
А по селу тишина... тишина...
Змейкой по белой глади листка
Кровь из простреленного виска —
Роспись, что он получил сполна.
Ну, а другим гонорар приносил,
Вспыхнув на бревнах избы,
Керосин.
Или кистень,
Или топор...
«Ранен рабкор...»,
«Избит рабкор...»,
«Ранен селькор...»,
«Убит селькор...»
Бережно сжал я

Старый журнал,
Черный разгладил лист...
Это — как памятник тем,
Кто пал
В боях за социализм.
Это от грозных, суровых лет
Нам предъявленный счет —
Тем, у кого «Ундервуд» на столе
И в кармане блокнот.
Если боишься ты острых тем,
Знай, ты у павших в долгу.
Если ты пишешь только затем,
Чтоб зашибить деньгу,
Если ты меряешь все рублем
И все же собою горд, —
Открой «Журналист»,
Двадцать пятый год.
Прочти раздел
«Под огнем».

1957

ДОРОЖНИК

Заправлена лампа соляркой,
сидит за столом паренек,
и пламени отблеск неяркий
на вихор задумчивый лег.

В руке, от усердия потной,
дрожит карандаш голубой:
«Пошли меня в битву, на подвиг,
я, Родина, всюду с тобой».

А рядом, за стенкой палатки,
друзья его валят тайгу.
Туман поднимается шаткий,
и стынут ручьи на бегу.

Он сам топором трехпудовым
по мерзлomu дереву бьет —
и зреют мозоли в ладонях,
и просека дальше идет.

А вечером снова несмело
он пишет о главной любви:
«Возьми меня, Родина, в дело,
на подвиг меня позови».

Как будто сибирские вьюги
не выжгли виски добела,

как будто на плечи и руки
эпоха ему не легла.

Как будто бы все, что он сделал,
чем дни его были полны,—
не подвиг, какого хотел он,
какого просил у страны.

1958

ДОСКИ ПОЧЕТА

Городкам в России нету счета.

Почта.

Баня.

Пыль и тишина.

И Доска районного почета
на пустынной площади видна.
Маслом размалеваны разводы,
две колонны — словно две колоды...

Работенка, скажем, неказиста
местных инвалидов-кустарей:
выцветшие, каменные лица
плотников, доярок, слесарей.
Я-то знаю, как они немеют
и не знают, руки деть куда.
Становиться в позу не умеют,
вот пахать и строить — это да.
Всматриваясь в выцветшие фото,
все как есть приму и все пойму
в монументах временной работы
скромному народу моему.

1961

ТЕМ, КТО МОЛОД ПОКА

Нет моего комсомола,
Он — это партия ныне.
Вам — новостройка и школа,
В тучах дорога к вершине,
Свист соловья, и на листья
Лунного света схождения,
Зорь краснопламенность лисья,
Ветер и радость движенья.
В рваные робы одеты,
Мы тому быть повелели,
Мы голодали за это,
Мерзли и в танках горели,
Только бы —

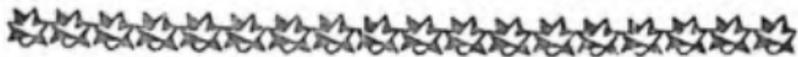
в зимах ли белых.

В синем ли вешнем

расплаве —

Ярче вам виделся берег
Завтрашней цели и яви,
Только бы гордые песни,
Новые глубины и выси,
А не убожество спеси,
А не мещанистость мысли.
Вам возвышать человека,
Дел его пользу и славу,
Юноши звездного века,
Вашего века по праву!

МОЯ УЧИТЕЛЬ

Был учитель высоким и тонким,
с ястребиной сухой головой;
жил один, как король, в комнатенке
на втором этаже под Москвой.

Никаким педантизмом не связан,
беззаветный его ученик,
я ему и народу обязан
тем, что все-таки знаю язык.

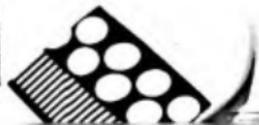
К пониманью еще не готовый,
слушал я, как открытье само,
слово Пимена и Годунова
и смятенной Татьяны письмо.

Под цветением школьных акаций,
как в подсушок, я брал сгоряча
динамитный язык прокламаций,
непреложную речь Ильича.

Он вошел в мои книжки неплохо.
Он шумит посильней, чем ковыль,
тот, что ты создавала, эпоха,—
большевистского времени стиль.

Лишь сейчас, сам уж вроде бы старый,
я узнал из архива страны,
что учитель мой был комиссаром
отгремевшей гражданской войны.

И ничуть не стесняюсь гордиться,
что на карточке давней в Москве
комиссарские вижу петлицы
и звезду на прямом рукаве.

БОЛЬШОЕ ДЕЛО

Нам жизнь открыла
все пределы,
она зовет
к большому делу.

И наши думы
понимает,
и наши будни
поднимает.

И мы с тобой
сегодня будем
равновелики
этим будням.

Ангарский берег
каменистый.
В скалу взрывчатку
забиваем.

И думаем
о коммунизме,
и о мозолях
забываем.

1959

ДЯДЯ

Мой дядя в двадцать пятом
Командовал полком.
Он был крутым солдатом,
Прямым большевиком.

И, от природы добрый
И вовсе не герой,
Питался чаем с воблой,
Жил в комнате сырой.

Он полной мерой мерил
Поступки и слова.
Он свято в дело верил,
Как верят в дважды два.

Сказал он ало и четко
Однажды в Новый год,
Что здесь преступна водка,
Коль голоден народ.

Он пробегал сурово
С утра столбцы газет —
Пожара мирового
Все что-то нет и нет...

Он вечно жил, готовясь
К тому, что впереди.
Торжественная совесть
Жила в его груди.

...Высокий шлем, и шрама
Над бровью полоса...
Он смотрит ало и прямо
С портрета мне в глаза.

КОМИССАР

Он приехал тогда на съезд
Из каких-то саянских мест.
— Соня, здравствуй! — неожиданно, вдруг
Он у нас поутру возник.

Старый друг по борьбе былой,
Вместе с матерью — в Туруханке...
По бульжной по мостовой,
Помню, шел он в унтах, в ушанке.

И за чаем, в поздний час —
Чай с печеньем уже, не вобла,—
Он на всю детвору, на нас,
Так поглядывал дружески, добро!

А нас было у мамы пятеро —
Всех, с приемными — трудно ей...
Он сказал, прощаясь с матерью:
— Присылай своих сыновей.

Строил город в краю далеком...
Но, мне кажется, вся суть
В том, что людям, не только рекам,
Открывал он широкий путь.

Разрываясь, ревет сирена...
Лишь для мамы уже она
Не слышна... Я один. Как странно!
Я остался один. Война.

Он окликнул меня негромко...
Вьюга... Хлоркой пропах вокзал.
Вдоль перрона ходили мы долго:
Я, солдат, и он, комиссар.

Соберутся однополчане,
Вспомнят политрука своего.
И когда минута молчания,
Это чтут коммунисты его.

Вековая стена с бойницами.
И борцов торжественный ряд...
Приезжающие в столицу
Тут в задумчивости стоят.

ЛЕНИНСКИЙ ПОРТРЕТ

Наверно, нет в России дома,
Где б не висел его портрет.
Нам так лицо его знакомо
Еще с далеких ранних лет.

Живем, его чудесным светом
Всю жизнь свою озарены.
И вновь стоим перед портретом
Среди глубокой тишины.

Так только дети — кровь живая
Давно погибшего отца —
Глядят, все больше открывая
В чертах родимого лица.

1960

СТИХИ О МОЕМ ИМЕНИ

Ояру Ваццетису

Мне говорят:
«Послушайте,
                                упрямитесь
  чего вам?»
Пришла пора
                                исправить
ошибки отцов.
Перемените имя,
станьте
                        Родионом.
Или же
                        Романом,
в конце концов...»
Мне это повторяют...
А у меня на родине
в начале тридцатых,
  в круговерти дней,
партийные родители
называли
                        Робертами
спеленатых,
                                розовых,
  орущих парней...
Кулацкие обрезы
                                ухали страшно.

Кружилась над Алтаем

рыжая листва...

Мне шепчут:

«Имя Роберт

пахнет иностранщиной...»

А я

усмехаюсь

на эти слова...

Припомните,

тридцатые!

Вернись,

тугое эхо!

Над миром неустroенным

громыхни опять.

Я скажу о Роберте,

о Роберте Эйхе!

В честь его

стоило

детей называть!

Я скажу об Эйхе.

Я верю:

мне знаком он —

большой,

веторопливый, как река Иртыш...

Приезжал в Косиху

секретарь крайкома.

Веселый человечиче.

Могучий латыш.

Он приезжал

в морозы,

по-сибирски лютые,

своей несокрушимостью

недругов

разя.

Не пахло

иностранщиной!

Пахло
Революцией!
И были у Революции

ясные
глаза...

А годы над страной
летели громадно.

На почерневших реках
дождь проступал, как сыпь...

Товарищ Революция!

Неужто

ты
обманута?!

Товарищ Революция,

где же

твой

сын?

В какую мглу

запрятан?

Каким

исхлестан ветром?

Железный человечиче.

Солдат Октября.

Какими подлецами

растоптан,

оклеветан?

Неужто,

Революция,

жизнь его —

зря?!
От боли,

от обиды

напрягутся мышцы.

Но он и тогда

не дрогнет,

все муки стерпя.

В своем последнем крике,
в последней самой мысли,
товарищ Революция,
он верил
в тебя!..
Да будет ложь
бессильной.
Да будет полной
правда...
Ты слышишь, Революция,
знамен багровых плеск?

Во имя
Революции —
торжественно и прямо —
навстречу письмам
Эйхе
встает
партийный съезд!
Рокошет «Интернационал»
весомо и надежно.

И вот,
проклиная
жестокое
вранье,
поет
Роберт Эйхе —
мой незабвенный тезка...
Спасибо вам,
родители,
за имя
мое...
Наверно, где-то ждет меня
мой последний день.

Кипят снега над степью.
Зубасто встали надолбы...
Несем мы имена

удивительных
людей.

Не уронить бы!
Не запятнать бы!

1962

ЛОНЖЮМО

Посвящается
слушателям школы Ленина
в Лонжюмо

Авиавступление

Вступаю в поэму, как в новую пору вступают.
Работают поршни,
соседи в ремнях засыпают.
Ночной папирской
летят телецентры за Муром.
Есть много вопросов.
Давай с тобой, Время, покурим.
Прикинем итоги.
Светло и прощально
горящие годы, как крылья, летят за плечами.
И мы понимаем, что канули наши кануны,
что мы, да и спутницы наши,
не юны,
что нас провожают
и машут лукаво
кто маминым шарфом, а кто —
кулаками...
Земля,
ты нас взглядом апрельским проводишь,
лежишь на спине, по-ночному безмолвная.
По гаснущим рельсам
бежит
паровозик,

как будто

сдвигают

застежку

на «молнии».

Россия, любимая,

с этим не шутят.

Все боли твои — меня боли пронзили.

Россия,

я — твой капиллярный сосудик,
мне больно, когда

тебе больно, Россия.

Как мелки отсюда успехи мои, неуспехи,
друзей и врагов кулуарных ватаги.

Прости меня,

Время,

что много сказать

не успею.

Ты, Время, не деньги,

но тоже тебя не хватает.

Но люди уходят, врезаая в ночные отроги
дорог своих

огненные автографы!

Векам остаются — кому как удастся —

штаны — от одних,

от других — государства.

Его различаю.

Пытаюсь постигнуть,
чьим был этот голос с карттовой пластинки.

Дай, Время, схватить этот профиль, паривший
в записках о школе его под Парижем.

Прости мне, Париж, невоспетых красавиц.

Россия,

прости незамятые тропки.

Простите за дерзость,

что я этой темы

касаясь,

простите за трусость,
что я ее раньше не трогал.
Вступаю в поэму. А если сплосаю,
прости меня, Время, как я тебе часто прощаю.

* * *

Струится блокнот под карманным фонариком.
Звенит самолет не крупнее комарика.
А рядом лежит
в облаках алебастровых
планета —
как Ленин,
мудра и лобаста.

I

В Лонжюмо сейчас лесопильня.
В школе Ленина? В Лонжюмо?
Нас распилами ослепили
бревна, бурые как эскимо.

Пилы кружатся. Пышут пыльщики.
Под береткой, как вспышки, — пыжики.
Через джемперы, как смола,
чуть просвечивают тела.

Здравствуй, утро в морозных дозах!
Словно соты, прозрачны доски.
Может, солнце и сосны — тезки?!
Пахнет музыкой. Пахнет тесом.

А еще почему-то — верфью,
а еще почему-то — ветром,
а еще — почему не знаю —

диалектикой познания!

Обнаружиайте древесину
под покровом багровой мглы.
Как лучи из-под тучи синей,
бьют

опилки
из-под пилы!

Добирайтесь в вещах до сути.
Пусть ворочается сосна,
словно глиняные сосуды,
солнцем полные дополна.

Пусть корою сосна дремуча,
сердцевина ее светла —
вы терзайте ее и мучайте,
чтобы музыкою была!

Чтобы стала поющей силищей
корабельщиков, скрипачей...

Ленин был
из породы
распиливающих,
обнажающих суть
вещей.

II

Врут, что Ленин был в эмиграции.
(Кто в не родины — эмигрант.)
Всю Россию,
речную, горячую,
он носил в себе, как талант!

Настоящие эмигранты
пили в Питере под охраной,

воровали казну галантно,
жрали устрицы и гранаты —
эмигранты!
Эмигрировали в клозеты
с инкрустированными розетками,
отгораживались газетами
от осенней страны раздетой,
в куртизанок с цветными гривами —
эмигрировали!

В драндулете, как чертик в колбе,
изолированный, недобрый,
среди великодержавных харь,
среди ряс и охотнорядцев,
под разученные овалы
проезжал глава эмиграции —
царь!

Эмигранты селились в Зимнем.
А России
сердце само —
билось в городе с дальним именем
Лонжюмо.

III

Этот — в гольф. Тот повержен бриджем.
Царь просаживал в «дурачки»...
...Под распарившимся Парижем
Ленин
режется
в городки!

Раз! — распахнута рубашка,
раз! — прищурился глаз,
раз! — и чурки вверх тормашками

(жалко, что не видит Саша!) —
рраа!
«Рас-печатывались «письма»,
раа-летясь до облаков, —
только надрагивали бисмарки
от подобных городков!

Раа! — по тюрьмам, по двуглавым —
ого-го!
Революция играла
озорно и широко!

Раа — врезалась бита белая,
как авроровский фугас, —
так что вдребезги империи,
церкви, будущие берии!
Раа!

Ну играл! Таких оттягивал
«паровозов»! Так играл,
что шарахались рейхстаги
в 45-м наповал!

Раа!..
А где-то в начале века
человек, соцуривши веки,
«Не играл давно», — говорит.
И лицо у него горит.

IV

В этой кухоньке скромны тумбочки,
и, как крылышки у стрекоз,
брезжит воздух над узкой улочкой
Мари-Роз,

было утро, теперь смеркается,
и совсем из других миров
слышен колокол доминиканский,
Мари-Роз,

я часы его различаю,
на ножах неотерт наждак,
не стучите, мадам, ключами,
я хочу его подождать,

здесь он жил — как предгрозе тихий,
вождь, волжанин и книгочей,
очень трудно его постигнуть,
не постигнуть — еще трудней,

прислоняюсь к прохладной раме,
будто голову мне нажгло,
жизнь вечернюю озираю
через ленинское стекло,

и мне мнится — он где-то спереди,
меж торговок, машин, корзин,
на прозрачном велосипедике
проскользил.

Или в том кабачке хохочет,
аплодируя шансонье?
Или вспомнил в метро грохочущем
ослепительный свист саней?

Или, может, жару и жаворонка?
Или в лифте сквозном парит,
и под башней ажурно-ржавой
запрокидывается Париж —

крыши сизые галькой брезжат,
точно в воду погружены,
как у крабов на побережье,
у соборов горят клешни,

над серебряной панорамой
он склонялся, как часовщик,
над закатами, над рекламами
он читал превращенья их,

он любил вас, фасады стальные,
точно ракушки в грустном стиле,
а еще он любил Бастилию —
за то, что ее срыли!

И сквозь биржи пожар валютный,
баррикадами взяв кольцо,
проступало ему Революции
историческое
лицо,

и, глаза почему-то режа,
сквозь сиреневую майолику
проступало Замоскворечье
все в скворечнике и маевках,

а за ними — фронты, юденичи,
Русь ревет со звездой на лбу,
и чиркнет фуражкой студенческой
мой отец на кронштадтском льду,

вот зачем, мой Париж прощальный,
не пожар твоих маляров —
славлю стартовую площадку
узкой улочки Мари-Роз!

Он отсюда мыслил ракетно.
Мысль его, описав дугу,
разворачивала
                                парапеты
возле Зимнего на снегу!

(Но об этом шла речь в строках
главки 3-й, о городках.)

V

Ленин прост — как материя,
как материя —
                                сложен.
Наш народ — не тетеря,
чтоб кормить его с ложечки!

Не какие-то «винтики»,
а мыслители,
он любил ваши митинги,
Глебы, Вани и Митьки.

Заряжая ораторски
философией вас,
сам,
                                как аккумулятор,
заряжался от масс.

Вызревавшие мысли
превращались потом
в «Философские письма»,
в 18-й том.

Его скульптор лепил.
Вернее,
умолял попозировать он,
перед этим сваяв Верлена,
их похожестью потрясен,

бормотал он оцепенело:
«Символическая черта!
У поэтов и революционеров
одинаковые черепа!»

Поэтично кроить Вселенную!
И за то, что он был поэт,
как когда-то в Пушкина —
в Ленина
бил отравленный пистолет!

VI

Однажды, став зрелей, из спешной повседневности
мы входим в Мавзолей,
как в кабинет рентгеновский,
вне сплетен и легенд, без шапок, без прикрас,
и Ленин, как рентген, просвечивает нас.

Мы движемся из тьмы, как шорох киволентин:
«Скажите, Ленин, мы — каких Вы ждали, Ленин?
Скажите, Ленин, где
победы и пробелы?
Скажите — в суете мы суть не проглядели?..»

Нам часто тяжело. Но солнечно и страстно
прозрачное чело горит лампообразно.

«Скажите, Ленин, в нас идея не ветшает?»
И Ленин

отвечает.

На все вопросы отвечает Ленин.

Э П И Л О Г

В жизни всякое происходило.
Но окошками зажжено,
как туманная Атлантида,
где-то светится Лонжюмо.

Там он школе читает лекции.
Называет их имена.
В темной комнатке лица светятся,
как прозрачные семена.

Сколько их по земле рассеяно!..
Беспощадно летит Земля.
Школа Ленина! Школа Ленина!
Умирают учителя.

Удаляются, не оставив
ни дочурки и ни сына,
растворяются, как кристаллы,
в битвах, в мыслях, в учениках,
в быстрых письмах из СНК,
в гидростанциях,
в ледоколах...

Школа Ленина! Где ты, школа?

Где сейчас твои ветераны?
Под какими лежат ветрами?
Сколько выбито — перемелено,
школа Ленина, школа Ленина!..

Может, правы эмблемы тех лет,
где, как солнечное затмение,
надвигался на профиль Ленина
неразгаданный силуэт?

Хватит! Ленин в крови у времени.
Среди строящейся новизны
школа Ленина,
школа Ленина
продолжается, черт возьми!

В лонжюмовское помещение
умещалась тогда она.
Школа Ленина, школа Ленина —
ей планета теперь тесна!

* * *

К нему —
обращаются лицами дети,
как к югу глядят все скворечни на свете,
в Орловщине, Вязьме, Клину —
к нему,

к нему —
и философы, и фантазеры,
в итоге приходим, как мастер матерый
приходит к простому письму, —
к нему,

ЭСТАФЕТА

Белоголовые товарищи мои!
Пусть отгремели давние бои
И над землей не молкнет гул труда,
Большое счастье предвещая людям,—
Мы, старые солдаты, никогда
Огней костров походных не забудем.

Все это начиналось в Октябре,
Перед началом зры, на заре —
У Зимнего, у Пулковских высот,
Где взрывами фонтанила земля
И взрывам откликался пулемет
У древних стен Московского Кремля.

А разве мы хотели воевать —
Топтать посевы, жечь и убивать,
Мы, люди, оглушенные войной
В полесских топях, на седых Карпатах,
Мы, люди, бредившие тишиной
В своих окопных норах распроклятых?

Но чтоб вернуть на землю тишину,
Нам было суждено убить войну.
Тогда усталость мы превозмогли.
Тогда на Волге, на Днепре, на Каме,
На всех фронтах израненной земли
Солдаты оцетинились штыками.

Неизгладим в народном сердце след
Тех вечной славой осененных лет.
Не позабудет гордая душа,
Все претерпевшая душа солдата,
Свинцовый плеск ночного Сиваша
И нашу кровь на талом льду Кронштадта.

Белоголовые ровесники мои,
Великих войн и строек ветераны!
Пусть осенью нас беспокоят раны —
Придет весна, и расцветут тюльпаны,
И запоют в дубравах соловьи.
И с песнями труда навстречу лету,
По Ленину сверяя свой маршрут,
Октябрьский красный флаг как эстафету
В мир коммунизма внуки понесут.

1967

СТИХИ ОБ ОТЦЕ

А у меня —
отцовский склад и нрав.
Мы спорим с одинаковым задором.
Но, не вдаваясь в существо тех споров,
Я все-таки скажу,
что я — не прав.

А прав отец.
Своею прямою,
Которой он не замешил ни разу
Ни помыслом,
ни действием, ни фразой,
Ни самую малейшую запятой.

Боюсь —
отца не баловал успех.
Он не из тех,
кто любит соглашаться,
Идти на компромисс.
Отец из тех,
Которые сражались на гражданской.

Они, быть может, чересчур круты
И в чем-то чересчур непримиримы.
Но убежденья их неколебимы,
И шли они в партийные ряды

Не потому, что жаждали наград,
Не ради продвижения по службе.
Им партбилет вручали

как мандат

На получение личного оружия.

Тот пыл понять не каждому дано.
Кому-то он не близок и не дорог.
Еще живучи люди,

для которых

Нелепо бескорыстье и смешно.

Отец врагами личными их числит,
Он с ними примирения не мыслит.
Я разделяю ненависть его.
Я по-отцовски быть хочу пристрастным.
К отцовской вере быть хочу причастным,
А больше мне не надо ничего.

Конечно, я порой еще мечусь,
Ищу я в спорах основания истин.
Но постигать через отца учусь —
Как истину всех истин —
бескорыстье.

РЯЗАНСКИЕ МАРАТЫ

Когда-нибудь, пускай предвзято,
обязан будет вспомнить свет
всех вас, рязанские Мараты
далеких дней, двадцатых лет.

Вы жили истинно и смело
под стук литавр и треск пальбы,
когда стихала и кипела
похлебка классово-борьбы.

Узнав о гибели селькора
иль об убийстве избача,
хватали вы в ночную пору
тулуп и кружку первача
я — с ходу — уезжали сами
туда с наганами в руках.
Ох эти розвальни и сани
без колокольчика, впотьмах!

Не потаенно, не келейно —
на клубной сцене, прямо тут,
при свете лампы трехлинейной
вершились следствие и суд.

Не раз, не раз за эти годы —
на свете нет тяжелее дел! —

людей, от имени народа,
вы посылали на расстрел.

Вы с беспощадностью предельной
ломали жизнь на новый лад
в краю ячеек и молелен,
среди бескорыстья и растрат.

Не колебались вы нимало.
За ваши подвиги страна
вам — равной мерой — выдавала
выговора и ордена.

И гибли вы не в серной ванне,
не от надушенной руки.
Крещенской ночью в черной бане
вас убивали кулаки.

Вы нынче спите величаво,
уйдя от санкций и забот,
и гул забвения и славы
над вашим кладбищем плывет.

* * *

Далекий год. Мы были дети.
Запомнилось: холодный зал.
И гимн, единственный на свете,
Звучал — «Интернационал».

Усталые, его мы пели
Самозабвенно, от души,
Под бесконечный вой метели,
Под клич «последний и решительный».

Действительно, во мгле Россия,
Но тот не ведает о ней,
Кто видит версты снеговые,
Не испытав ее коней.

Кто видит синь ее просторов,
Не ощутив ее тепла.
А зная нрав ее и норы,
Узнает кто ее дела?

Россия — это наши люди,
И наша стать, и наша честь.
Она не сразу скажет: «Будет!»
А скажет почтай что — есть!

Оттолкнулся. Ногу в стремя.
Ветром отнесло вихор.
Обжигающее время.
Неразгаданный простор.

Над Дворцовой аная рдеет
В этой первой тишине.
И сидит красногвардеец
На гусарском скакуне.

Он дружить с ликбезом станет,
Всадник заревой поры,
Но уже в его сознание
Раскрываются миры.

В эти первые минуты
Народившейся страны
Намечаются маршруты
На ракете до Луны.

ГУДОК

*Рабочим завода
Памяти Революции 1905 года*

Пусть хоть я сам и не дружинник
Той революции, а лишь,
А лишь в сторонку поглядишь,
И про завод ваш, как былинник,
Почтительно заговоришь.

И как пройти, скажите, мимо
И не поднять его на щит,
Когда и в даль чужих орбит
Им завоеванное имя
Той революции гремит.

Когда той пятою годиною
И пятилетками велик,
Видать, давно уж он привык
Блестать как с выправкой орлиной
Промышленности боевик.

Когда за ним, за боевитым,
Все не стихает вихрь молвы
О том, товарищи, как вы
С подвижническим аппетитом
Работаете в честь Москвы.

Когда на ваши огневые
Почины, передовики,
И я равняюсь и с руки,
Ай, так и сыплю в лист живые
Лирические светляки.

Но, глядь, и критиков ругни нет,
И у начальства не в тени,
А лишь подчас творить начни —
И вдруг, что ль, дьявол стих заклинит,
И ни строки тебе, ни-ни.

Да ведь и вы все удивитесь:
И нетяжел я на подъем,
И в длительном пути своем
Игривую мастеровитость
Набил пером, как вы сверлом.

А и пустись-ка с ним трудиться
Поистине и за троих —
Не вспыхнет искоркою стих.
И где ж на стих подзарядиться,
Как не у вас, у заводских?

Тем паче, милые, что блиаок
Писательством я и среди
Всех пишущих, как ни суди,
Не мира старого огрызок,
А лирик с Лениным в груди.

Тем паче, что не просто житель,
А что Москвы я истый сын.
И рад побыть хоть миг один
Как новых личностей строитель
У вас, строителей машин.

И живо приняла, радиво.
И, как бы взявшись дать урок,
Порассказали, видно, впрок
Про историческое диво,
Про ваш активнейший гудок.

Поди, и принцев нет в помине,
Какими век был знаменит,
А он и ныне именит,
А он нет-нет, гудок, и ныне
Великой славой зашумит.

И вскинет в памяти те дни нам,
Как, поднапыжившись сверх сил,
Вдруг так он, Пресни старожил,
Пронзительнейшим голосином
Величественно забасил,

Что по-обыденному призван
Лишь только выкликнуть своих
Прижившихся мастеровых,
А выкликнул на бой с царизмом
И даже камни мостовых.

И не постиг ли он, счастливчик,
Достойный всякой похвалы,
Что двинутых им сил валы
Повел сам Ленин, высший варьщик
Твердынь всемирной кабалы.

И так повел он энергичным
Лихим величьем, мастерски,
Что и гудок ваш по-людски
На бой всем выкликом отличным
Пустился к вам, большевики.

И как тогда нас ни разбили,
А им, товарищи, а им,
А этим выкриком одним
Он стал и после в дикой были
Воинствующим позывным.

И он не им ли одержимо
И через десять лет почти
Позвал за Лениным пойти
Войну постылого режима
Убить, как хищницу в пути.

И, движимые страшным иском
Всей тьмы polegших в ней костями,
Пошли рассчитывать мы
И злей со скипетром царистским
Разделались-то, черт возьми.

И, видно, в пятом взрыв призывный
Такой был силы, что держись,
Что именно гудок, кажись,
И выстрелом «Авроры» Зимний
Всех кликнул взять — и не на жизнь,

А на смерть биться. И на приступ
С великим Лениным пошли
И лихо с матушки-земли
Правительство капиталистов
И их владычество смели.

И вон как пира верховые
И коммунизма вестовые
Летят салюты, за какие

Ведь двинул биться он впервые.
И как же мне тут, дорогие,
Во всю лирическую пруть
Рабочим рыцарем России
Гудок ваш не провозгласить!

1976

* * *

И вот настал он, час мой вещей:
Пополнив ряд одной судьбой,
В неслышном шествии сквозь вечный
Граниту вверенный покой
Схожу под своды Мавзолея.

Как долго очередь текла!
Я встал давно — едва умея
Сложить на краешке стола
Из букв разрозненных то имя,
Что вижу в камне над собой...

А очередь к нему текла,
В день скорби взяв свое начало,
И в ответах добра и зла
Неразделимое несла
И судьбы новые включала.

И в самый страшный час — гляди —
Народный ход бедой не прерван,
Лишь выбывают впереди
Застигнутые сорок первым.

В какие сроки мы смогли
Подвинуть праведное дело!
За нами встало полземли,
Пока одна душа созрела.

И вот настал ее черед:
Она, открытая, у входа,
Где время вещес ведет
Поверку дум и сил народа.

Где с обликом первоначальным
Свободы, Правды и Добра
Мы, искушенные, сличаем
Свое сегодня и вчера.

1968

ПЛАСТИНКА С ГОЛОСОМ ЛЕНИНА

Нет, пожалуй, не запись слаба!
То протискиваются

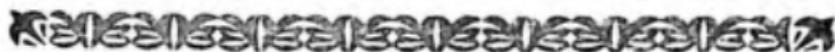
сквозь годы
вихри снежные, шум непогоды
и знамен обожженных судьба.

Словно лавы встревоженный гул,
не ища славословий и почестей,
он звучит, этот голос пророческий,
из стремительных ленинских губ.

В наши споры врывается он,
с перевала того

ниавергаясь.
До сих пор об него обжигаясь —
до сегодня еще раскален!

ПАРТБИЛЕТ

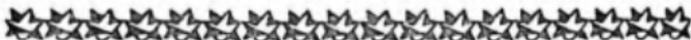
Нева подвижным блеском ледохода
И факельным огнем освещена.
Идет апрель семнадцатого года,
Где Ленин, революция, весна.

И партбилет вручен был на вокзале
Вождю от выборжских большевиков.
Неугасимые глаза сияли
Навстречу людям будущих веков.

Пусть этот миг пребудет незабвенен
И отзовется золотом в сердцах —
Свой первый партбилет Владимир Ленин
Впервые держит в бережных руках!..

И вот промчалось больше полстолетья,
Сегодня нам вручили партбилет,
И в каждом сердце — Ленина бессмертье,
В билете каждом — ленинский портрет.

В одном строю — суровы мы и чисты,
От северных морей до южных рек,
Всей Партии великой коммунисты,
Где первым — Ленин, с нами и навек.

ЛЕЙТЕНАНТЪ ПОЛИТСОСТАВА

Лейтенант политсостава,
Агитатор полковой.
Молодой,

да что там, право, —
Кто он есть как таковой?

В плащ-палатке, на петлице
Два железных «кубаря».
Пусть бы он, как говорится,
Белый хлеб свой ел не зря.

Говорить — его работа.
Он стоит перед полком.
Ну не полк, положим — рота,
В построенье боевом.

Даже рота — это много.
Перед ним, допустим, завод.
И томит бойцов тревога,
И тоска солдат грызет.

Им приказ уже зачитан:
Марш-бросок, и с ходу — в бой.
И стоит он, и молчит он,
Видя всех перед собой.

Вот еще две-три затяжки,
Выдыхая горький дым.
Ну так что ж, не по бумажке,
Лейтенант, ты скажешь им?

Говорить — твоя работа.
Должен что-то им сказать,
Так сказать, чтоб это «что-то»
Их с тобой могло связать.

Так сказать, чтоб все запало
В душу каждого бойца
Наподобие запала,
Что огнем ожжет сердца!..

Мощный залп артподготовки.
Гнет к земле тяжелый гул.
Лейтенант с дорожной бровки
Прямо во поле шагнул.

Только глянул страшным глазом
Да плечо — аполоборот:
«Взвод — за мной! Вперед!» —
и разом
Взвод за ним шагнул вперед.

Голос хриплый с перекуру,
Под собой не чувствует ног...
Знает он литературу,
Всех поэтов — наизубок.

А теперь — что строчки эти?
Смертный путь — и все забудь.
Лишь обойма в пистолете,
Лишь навстречу ветру груди!

ЛЕЙТЕНАНТ ПОЛИТСОСТАВА

Лейтенант политсостава,
Агитатор полковой.
Молодой,

да что там, право,—
Кто он есть как таковой?

В плащ-палатке, на петлице
Два железных «кубаря».
Пусть бы он, как говорится,
Белый хлеб свой ел не зря.

Говорить — его работа.
Он стоит перед полком.
Ну не полк, положим — рота,
В построенье боевом.

Даже рота — это много.
Перед ним, допустим, взвод.
И томит бойцов тревога,
И тоска солдат грызет.

Им приказ уже зачитан:
Марш-бросок, и с ходу — в бой.
И стоит он, и молчит он,
Видя всех перед собой.

Вот еще две-три затяжки,
Выдыхая горький дым.
Ну так что ж, не по бумажке,
Лейтенант, ты скажешь им?

Говорить — твоя работа.
Должен что-то им сказать,
Так сказать, чтоб это «что-то»
Их с тобой могло связать.

Так сказать, чтоб все запало
В душу каждого бойца
Наподобие запала,
Что огнем ожжет сердца!..

Мощный залп артподготовки.
Гнет к земле тяжелый гул.
Лейтенант с дорожной бровки
Прямо во поле шагнул.

Только глянул страшным глазом
Да плечо — вполоборот:
«Вавод — за мной! Вперед!» —

и разом

Вавод за ним шагнул вперед.

Голос хриплый с перекуру,
Под собой не чует ног...
Знает он литературу,
Всех поэтов — назубок.

А теперь — что строчки эти?
Смертный путь — и все забудь.
Лишь обойма в пистолете,
Лишь навстречу ветру грудь!

И всему иная мера,
Если слова глубина
Силой личного примера
До нутра обнажена.

Первым, грозно, без оглядки,
Слыша жаркие тела,
Полю жесткой плащ-палатки
Словно легких два крыла.

Вот она — его работа,
Агитатора полка,
По виску ручьями пота,
Струйкой крови из виска...

Черный танк застыл без башни.
Траки скручены кольцом...
Лейтенант на мертвой паше —
Неподвижно, вниз лицом.

1980

СОВНАРКОМ

На митингах и в кабинетах,
под ветром и над кипятком
в кожанках, в бушлатах, в жилетах
страной управлял Совнарком.

С нуждой воевал и с обманом
сурово, но не впопыхах.
На чьем-то столе под наганом
покоилась стопка бумаг.

В углу «ундервудишко» старый,
казалось, трещал на весь мир.
А рядом от слов комиссара
краснел и бледнел командир.

И кто-то из пылких кронштадтцев
громил себя в грудь кулаком...
Чтоб с толком во всем разобраться,
бессонно бурлил Совнарком.

Бурлил. А доверил, гляди-ка,
тому председательский пост,
кто, морщась от лишнего крика,
был интеллигентен и прост.

Подумай-ка, вождь революций,
бородку сжимая в горсти,

гранатой не мог замахнуться,
клинок не умел занести.

Не лапал чуть что пистолеты...
Но дерзко, умно и влопад
страну сотрясали декреты
почище иных канонад.

И затхлость спешила смениться
живым и лихим сквозняком.
Любых кабинетов министров
превыше взошел Совнарком.

Война и сплошная разруха.
Но небом манило отцов
правительство рыцарей духа —
романтиков и удальцов.

Правительство слова и дела.
Ему не позволили пасть
не пуля и власть без предела,
а мудрость... и все-таки власть.

ГЕРОИ ОКТЯБРЯ

Думаю о тех, кто были старше,
Может быть, всего на десять лет,
Но зато прошли в октябрьском марше,
Вознеся над миром новый свет.

Юноши великого свершенья,
Мальчишки, в четырнадцать — бойцы,
В двадцать, возвратившись из сраженья,
Строили заводы и дворцы.

Это к вам на выучку фасонкой
На «Серпе и молоте» я шел.
Это с вашей флотской дудкой звонкой
Покидали мы балтийский мол.

И еще под вашим комиссарством,
В огненную кинувшись волну,
Вопреки невзгодам и мытарствам
Не сдались в последнюю войну.

Нынче мы годами подравнялись —
Невелик он к старости, зазор.
Для меня вы старшими остались
По горению октябрьских зорь.

Зори те в московском переулке
Я мальчишкой видел из окна,

Вы ж тем переулком шагом гулким
Шли туда, где юнкеров стена.

Вы тогда сломали стену эту,
Взяв у Петрограда эстафету,
Будто радуги скрепив концы.
И прошли, гремя, по белу свету
И Кремля и Зимнего бойцы.

Слово благодарности летит к вам,
Светом той же радуги горя,
Старшие товарищи по битвам,
Юные герои Октября!

РОДИНА

Что держать в секрете
мне любовь свою!
Нет на белом свете
ни в каком краю
родников родимей,
родичей — родней,
солода — сладимей,
соли — солоней.

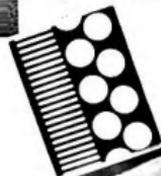
Нет медов медовой,
лишь весна повея,
нет лесов кондовой,
новизны — новей,
счастья — несказанней,
радости — светлей,
круче — испытаний,
подвига — святей!

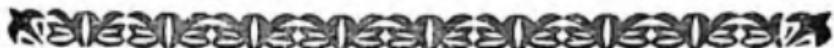
Нет невосполнимей,
горестней утрат.
Нет неисчислимой
сил — за рядом ряд!

Правды вековечней
не было и нет.
Лучше, человечней
с нею белый свет.

В жизни быстротечной,
в смене новых лет
дела вековечной
Ленинского —
нет!

1984

ЛИЦО

Изваяли статуи,
Чтобы навсегда
Помнились двадцатые
Трудные года.

Сделан вечный слепок
Для грядущих лет.
Наших пятилеток
Вырублен портрет.

В бронзе и граните
Запечатлены
Люди и события
Мира и войны.

И под гром и грохот
Вновь своим резцом
Трудится эпоха
Над твоим лицом.

* * *

Мои дед был строителем маслозаводов
и был их директором первые годы.
Дед умер — заводы стоят.
Спросите у малых ребят,
спросите: кто строил просторные цехи,
таскал для детишек в карманах орехи,
кто ранен в бою басмачом?
Не скажут, что дед, ни по чем!
А скажут, что деды и прадеды наши
построили цехи! Спросите у старших —
сурово ответят спецы:
«Построили наши отцы!»
И мне не обидно — ведь это награда,
когда без фамилии и без парада
о дедовых помнят делах —
за совесть служил, не за страх.
Свершилось, о чем старики не мечтали:
дела, словно песни, народными стали!
Такая награда за труд:
ДЕД УМЕР — ЗАВОДЫ ЖИВУТ!

ОДА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Я люблю эту четкость Октябрьских парадов,
Этой сдержанной силы спокойный порядок,
Академий военных размеренный строй
И румянец суворовцев — так они рады,
Вскинув лица, пройти перед всею страной!

Батальон к батальону, равнение направо,
Моряки, пограничники — родины слава —
Так согласно врубают подошвы в гранит,
Что, наверно, от главной трибуны державы
До морозаной Чукотки планета звенит.

А потом наступает минута такая —
Смолкнет сводный оркестр, их ряды замыкая,
И с дороги сойдет по регламенту дня.
И тогда, из гранита огонь высекая,
Заступает на Красную площадь броня.

И танкисты — литые распахнуты люки,
Вскинув к шлемам ребристым надежные руки,
Проплывают державно, взирая с высот.
И тотчас — воплощенье труда и науки —
Начинают «катюши» торжественный ход.

Я люблю этот взрыв ликования людского —
Благодарность людскую, что снова и снова
Изъявляют им люди, придя на парад.

И опять, и опять это нежное слово,
Это девичье имя им вслед говорят!..

И, вздохнув хорошо, этой встречей согреты,
Вдруг примолкнут на миг: заступают ракеты.
Ах, как тяжка их поступь, как тихо кругом!
И привыкнуть уж надо б, и все-таки где-то
Вдруг обдаст холодком под четвертым ребром...

Все менялось: и песни родились иные,
И слетали за полюс орлята России,
И иная варилась в мартенах броня,
И умчались в легенду тачанки степные,
И нарком пересел на машину с коня.

Но одно оставалось всегда неизменно —
Этот праздник на площади нашей священной:
Что бы ни было в мире, тверда и горда,
В этот лучший из дней, в этот час, неуремненно
Принимала столица парад, как всегда.

Даже в ту роковую военную осень,
В тыл сибирский заводы едва перебросив,
Цеховые пролеты прикрывши едва,
Ты его приняла, хоть была ты не очень
На параде Октябрьском парадна, Москва.

Ты рубины свои над Кремлем зачехлила,
Ты зенитки свои про запас снарядила
И на случай свои «ястребки» припасла.
В этот день ты пехоту свою проводила
На позиции прямо — пешком от Кремля...

Еще где-то броню на Урале катали
Той, тебе для отпора назначенной стали,
И томилась пехота, прощаясь с тобой,

И комдивы твои молодые шагали
Кто в последний, кто в первый решительный бой.

Им потом предстоят, кто с победой вернется,
И весенние марши, и звезды по солнцу,
И навечные строки в скрижалях страны.
А пока лишь поземка навстречу несется
И лежит на плечах по снежинке войны...

Ты их встретила после, уже из Берлина.
Прибелили виски ветеранам седины,
Ордена их сияли, слепящие взгляд.
Ты их всех придела тогда чин по чину:
Все ж История это — Победный парад.

Ах, как шли они — с каждого фронта колонна,
Как швыряли трофейные вражьи знамена
К Маваолею, к подножью, — гляди их, Москва!
Было лето, июнь сенокосный, зеленый, —
Ах, как густо по гари стояла трава...

Где-то мессы служили в Париже, в Нью-Йорке,
Ты, Москва, ликовала — детей на закорки,
И по площади — в пляс: пропадай, каблуки!
То-то радости было! Но как было горько,
Что не все воротились с войны мужики...

Еще Ленин завел тот порядок когда-то —
Чтоб по праздникам смотр проводили солдатам,
Чтоб защитникам честь воздавал здесь народ.
Он и сам их напутствовал словом крылатым,
В дни гражданской бойцов отправляя на фронт.

Верно, нет уж теперь у стены этой древней
Еще руки его не забывших деревьев —
Их на праздник со всеми сажал он весной.

Верно, в память о нем — так мне хочется верить —
Здесь печалятся ели под красной стеной.

...Вот уже и прошли боевые ракеты,
И под шелест знамен — широка, приедета —
Порайонно на площадь столица идет.
Транспаранты, плакаты — и все-таки где-то
По-семейному ходит на праздник народ!

По-семейному — в том наша гордость и сила.
Я люблю это доброе братство, Россия, —
В дни торжеств и печали мы все заодно.
Да и что б ни случилось на свете, Россия,
Будет так! А иначе и быть не должно.

ИЗ ПОЭМЫ «ПРОЛЕТАРИЙ»

Ты, береза, не сетуй
На батька своего.
От огня и от света
Убаюкай его...

Сердца пламень крылатый
Он России отдал.
Куртка, рубка, лопата —
Вот и весь капитал.

Ныне смирно за Доном,
Иртышом и Окой,
Ни распятий, ни стонов:
Тишина и покой.

У радаров и кранов,
У Магнитной горы
Не видать ветеранов
Той бунтарской поры.

Их в труде и в науке,
В боевом блиндаже
Яснолобые внуки
Заменили уже.

Но суровой и краше,
Как
варывной

динамит,
Революция наша
По планете гремит.

Чья-то совесть проснется
И загинет в борьбе.
Кто-то вновь поклянется
Пролетарской судьбе!

КЛЯТВА

Утомились лозунги и речи.
И с неодолимой высоты
Просит время мудрой, человеческой,
Самой неподдельной простоты.

Понимая зовы поколенья
И спокойно означая путь,
Я хочу,
        чтоб ветер обновленья
Вместе с солнцем вкатывался в грудь.

Кто найдет бездумных и незрячих, —
Прежней сказкой нас не покорить,
Языком правдивым и горячим
Я отныне буду говорить.

Смерть поэта — грозное мерило.
Ничего в душе не утаю.
Мне Россия сердце подарила,
Я его —
        России отдаю!

* * *

Эта ночь развернулась,
Как парус,— на тысячи верст.
Вот и кажется мне:
Рассекая буруны и волны,
В переливах огней
Вся Россия плывет
В направлении звезд.
И приказ рупора повторяют:
— На полный!
На полный!

Позади — берега.
Берега! Берега!
Берега!

Пугачевская оголь,
Могилы и запах острожный,
Синеглазая песня
Под холодным прицелом врага
Да буденновской конницы
Ржанье
И топот тревожный.

А Россия плывет
И гремит с боевых укреплений
Злыми жерлами пушек
По сплетеньям военных дорог,
Где-то там, впереди.

Поднимается раненый Ленин,
И земля помогает ему
И страдальчески плачет у ног.

Сколько жарких умов
В мире нашем чудес не свершило!
Сколько трав перевеяло,
Не успевши расцвести!
Сколько нас по морям незнакомым
Кружило,
Никаким капитанам
Пока не учесть...

Эта ночь развернулась,
Как парус, — на тысячи верст.
Я не сплю,
Я мечтаю, докурив папиросу,
Очень здорово плыть
В направлении звезд,
И пора мне, пора
Становиться бывалым матросом.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОЛЕССКОМ
РОДНИКЕ

Герою Социалистического Труда
В. М. Кавуну

Нет ничего воды родной полезней!
Житомирщина, отчее Полесье...
Родник слезится, шевеля цветы.
Набрал в ладонь я голубого света,
и сделала живая линза эта
еще яснее линию судьбы.
В покато́м поле с колкими стогами,
в лесу,
        что хмарой
                        выгнулся вдали,
хочу судьбу делить с полешуками
и называться именем земли.
Как Шолохов свой Дон,
                        я все здесь знаю —
начало вдо́ха, радости предел...
Парит над полем, как жар-птица,
                        знамя,
как птица лунь,
                        герой мой поседел.
Вот в сотый раз уставился он в небо,
за хмарой,
                        темной точно лес,
                        следа:
не смое́т ли черво́нных красок хлеба
сплошной бесцветной серостью дождя?

Уже вовсю
в кипящих сизых клубах
пластают сабли-молнии

озон,

но дерзко,
каравеллами Колумба,
комбайны догоняют горизонт.
Скорей! Скорей!

Ну кто там зря болтает?!
Покуда солнцем степь оаарена,
пусть в «МАЗы» с наращенными бортами
бьют золотые градины зерна!
Сшибает наземь, с ног

усталость валит,

но нам не впрок глотать пирамидон.
Терпенье! Закруглимся со жнивами —
тогда, возможно, дух переведем.
Тогда, конечно, не минуем чаши,
сухими не оставим мы усов
и с влагой поцелуемся сладчайшей,
вобравшей смак березовых лесов.
Ну а пока... Не нарушая слова,
того,

что мы в душе произнесли,
став на колени,
выпьем родниковой,
струящейся из матери-земли.
Пригубим, нацедив ее в ладони,
с волнением поднесем ее к устам
и в звездный контур хлеборобской доли
сквозь родниковый

всмотримся

хрусталь.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Русый чуб над бумагами свесив,
самокрутку пыхая всласть,
в растревоженных градах и весях
утверждалась Советская власть.

Нет, не вкупе с крестом да нагайкой,
а на суть уповая свою,
становилась законной хозяйкой
в несподручном для власти краю.

В несподручном: то прячась по балкам,
то открыто маяча вдали,
самогоном пропахшие банды
на проселках ее стерегли.

И, готовясь к тому, чтобы резко
тишину распороть до небес,
на окошке ее занавески
не наган раздвигал, так обрез.

Отовсюду глядели напасти,
жестом, словом и делом грозя.
Но была она первою властью,
не боявшейся правды в глаза.

Первой властью, делившею беды
с государством своим заодно.
Это ей скуповатые деды
добровольно сдавали зерно.

Это ладили с ней малoverы,
и ее трудовую зарю
защищали подчас офицеры,
присягавшие прежде царю.

Власти!

Сегодня острей, чем в истоках
сквозь бессонницы и сквозь бои,
будто лица в морщинах глубоких,
проступают декреты твои.

Проступают.

И, глядя в них строго,
не державною стянут уздой,
а свободно я выбрал дорогу
под твоей беспокойной звездой.

И она повела меня круто
по обычной-то, в общем, судьбе,
ибо сердце в любую минуту
ходоком направлял я к тебе.

ЗЕМЛЯ ПОВОРАЧИВАЛАСЬ...

Каких-то гор не найдут и следа,
каких-то созвездий в туманной замети.
Семнадцатый год и тогда
в народной останется памяти.

Семнадцатый год...
Сквозь метели и тьму
с солдатскими думами,
с тревожными снами
Земля поворачивалась к нему
под красное знамя.

Она поворачивалась к Октябрю,
в оглохшей Вселенной молила о мире,
зарю сменяла зарю, —
но люди все так же стреляли не в тире,
все так же
от крови, а не от росы
сырела земля в канонадной дрожи,
и острые кайзеровские усы
торчали с лубочных обложек.

Но громкая песня «Интернационал»,
ломая преграды, уже сотрясала
хрустальные люстры в распахнутых залах,
хотя и слова еще мало кто знал.

Земля поворачивалась,
и с ней —
судьба человечества
вместе
с судьбою моей и твоей.
О том говорилось и в песне.

1970

* * *

Я много жил,
И лет уж мне немало,
Но радоваться, право,
Есть чему —
Я видел жизни
Новое начало
И всей душою
Следовал ему.

По-новому
Вся мира жизнь открылась,
И в книге века
Начат новый лист,
И в языке планеты
Утвердилось
За словом Л е н и н
Слово к о м м у н и с т.

Клич «За свободу»
Все народы сблизил,
И клич «За мир»
Заставил их прозреть,
Прокляв фашизм,
Который их унижил,
Сломав его,
Рабовладельца, плеть,—

Они морями крови
Заплатили
За право жить
И волностью дышать.
Они своих героев
Породили,
Бессмертных
Как народная душа!

И человек
В грядущее поверил,
Стремящегося
Видел я его,
Как изгонял он
Дух раба и зверя
Из темных ям
Сознания своего.

И, Партией великою
Ведомый,
Жил человек,
И он живет не зря,
В горах, в лесах, в полях —
Он всюду дома,
И города он строит,
И моря.

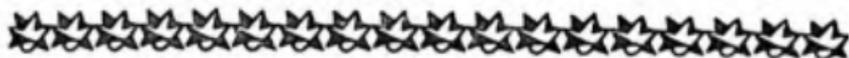
И в космосе
Встречается с друзьями,
Как и с друзьями
На земле своей,
Где я живу
И молодею с вами
И молодеть
Хочу повеселей!

Я не скрываю
ни чувств
и ни мыслей.
Песня души
с этим веком
спаялась,
В страшных сражениях
не разможилась.
Будем считать,
что судьба состоялась,
Будем считать,
что и песня сложилась.

РАЗГОВОР С ОТЦОМ

1

Отец, ты истый ветеран,
совсем старейшина, похоже:
страна рабочих и крестьян
тебя на много лет моложе.

Ее ты пестовал, как мог,
и у нее — уже внучата...
Ну что ж, за радостный итог
тобой свершенного когда-то!

Юнцы, чей возраст на усу,
вы были молодость России,
ни дать ни взять — кряжье в лесу
во всей плечистости и силе.

И сам задумщик Октября —
он уповал не на кого-то —
на вас —
и, значит, на тебя —
и не ошибся ни на йоту.

2

И мало ль там,
и мало ль там
кто и каких не строил козней,

когда за вами по пятам
ползали угрозы все нервной,
суля
на первом же году
погибель вместо комиссарства
и уготованный в аду
котел смолы.

Но государство
с великой верою в очах,
уж как бы тяжело ни дышалось,
на ваших сомкнутых плечах
до нас
да и при нас
держалось.

Оно сбивало вражью спесь
и кто ни сунься — гнало взашей.
Оно — как наша с вами песнь,
оно как воля —
ваша с нашей.

И он, с морщинками у глаз, —
он уповал не на кого-то —
на вас —
и, стало быть, на нас —
и не ошибся ни на йоту.

«ВАРШАВЯНКА»

«Варшавянка» на старой пластинке.
В темной раме
Мне видится вновь
Эта женщина в красной косынке —
Революция, дерзость, любовь.

И гляжу я, робея немного,
В молодые, в большие глаза:
Ах, какая гудит в них дорога,
Ах, какая в них блещет гроза!

В тех глазах проступают приметы
Отдаленных тридцатых годов.
Слышу голос былых пятилеток,
Трубных маршей напористый зов.

И опять — все маняще, все вновь.
Алых стягов рассветная дрожь.
Вот в беретике, сдвинутом к брови,
Ты в ноябрьской колонне идешь.

И люблюсь я легкой походкой,
Но уже мне те годы видны,
Когда поступью гордой и четкой
Ты уйдешь на защиту страны.

* * *

Тяжелый бронепоезд
несется как гроза,
сверкают антрацитом
веселые глаза,
и голос машиниста
летит через века:
«Пришла пора, товарищ,
подбросить уголька».
Стоят, молчат заводы,
в России света нет,
сказал шахтер чумазый:
«Стране добудем свет
и черный хлеб машинам
дадим наверняка.
Пришла пора, товарищ,
подбросить уголька».
Чтоб нам достать до неба
и чтоб цвела земля,
поля большого хлеба
поднять из ковыля,
ты как призыв сегодня
услышь издавека:
«Пришла пора, товарищ,
подбросить уголька».
Живи спокойной жизнью,
но, принимая бой,

не думай, друг, что время
идет само собой.
Чтоб двигались минуты
и двигались века,
пришла пора, товарищ,
подбросить уголька!

ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

Бывают такие секунды,
Когда, как на фронте,
В бою,
Ты должен подняться,
Хоть трудно
Покинуть гранюшку свою.
Хотя отсидеться бы проще —
Никто ведь не гонит вперед...
Но гордость солдатская ропщет,
Но совесть
Мне жить не дает.
Но сердце
Забыть не сумело —
Бесчестие
Хуже чем смерть.
На бруствер,
За правое дело
И страшно,
И сладко взлететь!
Отчаянно, бережно, чисто
Люблю я
Отчизну свою.
Считаю себя
Коммунистом,
Хоть в партии
Не состою.

ЗОЛОТО

Когда с большой писалось буквы Горе,
когда, как Марс, Поволжье было голо,
когда по ребрам человечьим голод,
как по забору, палкой проводил;
когда крестьяне — высохшие моши —
в земной, извечной усомнились моши
и стон их

даже у дельцов заморских
сочувствия подобье пробудил;
когда, душой переживая это,
в бессонном напряженье кабинета
жег Ленин свет до самого рассвета
и слева, там где сердце, тер рукой;
когда все то, чего не съели войны,
те — от души, а эти — добровольно,
в пустую шапку бросили со звоном
во имя солидарности людской;
когда в той, пущенной по кругу шапке
сверкнули призмы бриллиантов шахских,
серебряные жбаны и ушаты —
наследство в Лету канувших родов,
и ложечки для церемоний чайных,
и тысячи торжественно-печальных
истершихся

колечек обручальных —
святая лепта от солдатских вдов;
когда упали в шапку ту весомо

крест протопопа, ладанка масона,
игривая, французского фасона,
нижегородской выработки брошь
и россыпь прочих штучек филигранных...
(В счет принимались не предметы — граммы,
а вензеля, гербы и монограммы
не ставились рабочими и в грош!)
...Вот тут-то, в это самое мгновенье
про золото свое припомнил Ленин.
«Есть у меня, —

сказал он, —

добавленье,
минуту, — попросил он, — я сейчас
еще найду вам толику металла...» —
и с грустной улыбкою усталой
из ящика стола медаль достал он,
свой

золотой

единственный

запас.

И прошлое возникло пред глазами:
брат казни ждет,

мать поседела

за ночь,

а он

сдает в гимназии экзамен,
сдать на медаль старается притом...
На миг, во власти памяти, он замер,
на лбу высоком отблеск грозных зарев.
Соратники вокруг в кремлевском зале
примолкли, тоже вспомнив о былом.
Ах, память, до чего же ты бездонна,
не перечешь, что выпало на долю.
Блестит медаль на ленинской ладони.
Вдохнув, на вес ее прикинул он.
«Вот золото мое. Прошу — примите.
Пусть трудный хлеб наш будет свеж и сытен...»

...Россия. Волга. Поле...

Посмотрите!

Как хорошо здесь нынче! Как светло!

Как воздается нам за труд сторицей,
как воздух над колосьями струится,
какой высокой,

до небес,

пшеницей

то ленинское золото

взошло!

«С ИНТЕРНАЦИОНАЛОМ...»

Такая сила в этом гимне,
Такая боль, такая страсть!..
Мы в Октябре с ним брали Зимний,
С ним утверждали нашу власть.

С ним — по Владимирскому тракту,
На взломанный кронштадтский лед,
С ним выводили первый трактор
Из гулких заводских ворот.

Во мраке одиночных камер,
Где страшная вершилась быль,
Его

разбитыми губами
Шептали Фучик и Джалиль.

Он с краснодонцами по праву
Шагал до шахтного ствола,
Лишь в миг последний, в миг кровавый
Их смерть его оборвала.

Но он по-прежнему в дороге
Был с нами,

гневен и суров,
На каждом слове, каждом слогe
Оборван залпами врагов.

И пусть под пулями, бывало,
Не оторваться от земли —
Слова «Интернационала»
Нас окрыляли и вели.

Пройдя по царским казематам,
Паучью свастику сразив,
На съездах партии набатом
Звучит его святой призыв.

В нем наше все пережитое,
В нем правды нашей торжество.
Его поют партийцы стоя,
Как Ленин стоя пел его!

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Ленин,
Революция,
Свобода...
С пламенем, мятущимся из глаз,
В Октябре семнадцатого года,
а потом еще миллионы раз —
мы за них стояли под расстрелом,
шли в огонь и в смертную пургу,
проступая на граните сером,
словно кровью алой на снегу!

Ленинцы,
родные россияне,
людям все отдавшие сполна,
будто соль в Великом океане,
ваша Правда в нас растворена.

Над планетой расплескавшись гордо,
став победным знаменем судьбы,
вся она,
заполнив арты,
превратилась в Мужество борьбы.

И сказала:
— Встань как продолженье
тех, кто шел на брустверы врага.
А иначе —

что там за сраженье,
если ты не глыба, а шуга!

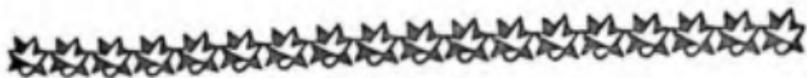
А иначе —
что там за победа,
что за гром салютных батарей,
если ты ни капли не изведал
к этим дням причастности своей!

И рванулись ввысь неотвратимо,
сбросив ночь со скал в тартарары,
над Саяно-Шушенской плотинной
брызги,
словно звездные миры.

Как горящий факел Самотлора,
заплясало небо на воде —
и возникла музыка,
которой
с сотворенья не было нигде.

Я у боли и у счастья вызнал
и свою выстрадал душой:
наступает
Праздник Коммунизма —
знаменитый, светлый и большой.

ИЗ ПОЭМЫ «ДАЛЬ ПАМЯТИ»

И что ж — прочли:
Дознались,
Домечтали,
Свели с огнем железную руду, —
И вот она грохочет —
Сталь по стали —
Индустрия на собственном ходу.
Иду-у!.. Иду-у!.. —
Раскатисто и ходко
По магистральным
шпарит
колеям!..

Эх, кабы вся Россия посередке,
А то ведь вон какая по краям!
Она и там, у моря-океана,
Она и тут,
Где пашут,
Сеют,
Жнут,
Где гнезд пока не вьют
Аэропланы
И корабли к плетням не пристают.

А жизнь идет!
Не так чтоб шибко очень, —
Пешком набольше,

Редко, чтоб в седле.
Здесь хлеб растят
И знают, между прочим,
Не вся земля — что сверху, на земле,
А под землей —
Под этой вот, равнинной,
И под нагорной той,
Под верховой...

Рабочий класс — он ствольный класс,
Вершинный,
А раз вершинный —
Значит, корневой,
Глубинный класс!

А корень где?
Откуда
Его могучесть, кряжистость его?

А все оттуда, друг мой,
Все оттуда,
Все от Микулы — пахаря того.
Все от него, земного,
Не от бога:
Сгибайся в три погибели —
Паши!
Костью ложись,
А звонкую дорогу
Достань из-под земли
И —
Положи,
Раскинь ее, по авеньшку стыкая,
Поверх могил работных мужиков
На тыщи верст...

Так вот она какая,
Та борозда,
Что испокон веков
Шла по земле за пахарем-кормильцем
И за рудничным пахарем
Туда,
Где глубоко-глубоко
Коренится
Под родниковым холодом
Руда.
Туда,
Туда...
По ствольному отвесу —
Сырой земле
И камню вперерез...

А кто сказал, что здесь у нас
К железу,
По деревьям, сторонний интерес?

Уж это аря.
Тут с лаской да с поклоном
Топор берут:
Востер ли он, топор?
А кузня, кузня —
Звоны-перезвоны —
Не просто кузня, а монетный двор.
Как без нее?
Тут в каждой деревеньке,
Соломой крытой —
Крыши подождут,—
Любой железке счет ведут,
Как деньгам,
И чуть ли не по батюшке зовут
Вершковый гвоздь.
Да будь он трижды гнутый,

Не бросят,

нет:

Сгодится и такой!

Спрямят его

И в должную минуту,

Как новенький,

Нацелят под рукой..

Да так вобьют,

Чтоб намертво сидел он

И связь держал в соломенном краю.

А трактор взять?

По тягловому делу

Он все равно что сродственник коню.

Идет,

Гудет,

Обходит всю сторонку —

Без хомута, а держится возлѐ.

Весь городской,

Железный весь,

А вон как

По-деревенски ладится к земле,

Берет ес

В пятнадцать лошадиных

Железных сил —

Напористо берет:

Прости-прощай, разлад подесятинный,

Да будет погектарный разворот!

Да будет впредь

Земля с землей родниться,

Да будет серп и молот на века

Как верный знак того,

Что будет литься

От сердца к сердцу

Главная река —

Река труда!

ТЕМА

Как солнца яростное тело
в ночном окне,
явилась Ленинская Тема
опять ко мне.
От суеты,
от мелкой скуки
пустых людей.
Вновь потянуло
к страстной сути
его идей.
От потребительской кошелки
и круглых фраз
вновь потянуло к мудрой щелке
усталых глаз.
Не к мавзолейному надгробью
в конце судьбы,
а к планетарному надбровью
его борьбы.
Клевещет творческая малость,
вещает злость:
«Не удалось! Не состоялось!
И не сбылось».
Не все, конечно, устоялось,
не все сбылось.
Но, говорю я,
состоялось
и удалось!

На трассах, в городах, селеньях,
на авеню
вы говорите сами «Ленин»
сто раз на дню.
И сколько б накопъ ни полчилась,
не справит пир.
Иным уже,
что б ни случилось,
пребудет мир.
В глухом,
утробном притязанье
пустых невежд,
в металогическом сознанье
пробита брешь.
В системе,
вечною считавшей
себя вчера,
в той денежной системе
страшной
сквозит дыра.
В морали подлой и стервозной
который год
его ученья грозный воздух,
свистя, ревет.
И перевернута страница
другой главы.
Нам в «до» уже не возвратиться:
мы будем «в».
В нем.
В нем.
В подвижном постоянстве
его судьбы.
И несжимаемом пространстве
его борьбы.

НАСЛЕДСТВО

Мой отец был сражен,
Защищая тебя, Революция.
Не осталось следа —
Жил ли, не жил балтийский матрос?
Кровь впитала тельняшка,
Шинель его черная, куца,
А дыханье последнее
Мартовский ветер разнес.

Ничего не осталось?
А я,
Я — кровинка его и наследница?
По булыжнику в рваных опорах бреду.
То пуржит, то дождит.
То пылящая улица стелется.
Тут огрызок найду
Иль в канаве сорву лебеду.

Я глотаю слюну.
Рты жующие важны и скупы.
Я волчонком гляжу,
Слов просительных не говоря.
Мне моряк в бескозырке
На ладошку в чесоточных струпьях
Отвалил половину
Солдатского сухаря.

Не пропала в теплушках,
В махорочной хмари вокзала
Плоть и совесть твоя,
И, как ты, я вставала в ружье.
Я наследство твое —
Революцию — защищала
На крутых рубежах
И форпостах ее.

Мой родимый,
Мой юный,
Мы давно разменялись годами
И давно будто рядом
В строю неделимом идем.
И трепещет высоко
Багряное знамя над нами,
И сердца полыхают огнем.

ВЫСОКОЕ ЗВАНЬЕ

Волнение это лишь тому знакомо,
Кто страстно ждал, считая каждый час,
Когда промолвят на бюро райкома
Два этих слова:
«Поздравляем вас!»
И если эти дни тебя застали
Там, где гремят машины, пыль клубя,
В степи, на новостройке, на канале, —
Пожалуй, нет счастливее тебя.
Тогда вдохнешь всей грудью свежий ветер
И, проходя по улице своей,
Вдруг так захочешь в это время встретить
Хороших, дорогих тебе людей.
Всех, с кем Отчизну защищал солдатом,
Всех, навсегда сроднившихся с тобой,
Всех, кто растил, учил тебя когда-то,
Всех командиров, подымавших в бой.
Чтоб посмотреть в глаза своей державе
И дать отчет ей о себе самом,
Чтоб ощутить, что ты отныне вправе
Именоваться себя большевиком.
И ты перед друзьями, перед веком,
Перед страной проходишь в эти дни
Непримиримым, стойким человеком,
Бойцом коммунистической семьи.
Всем сердцем,
Всей душой неугомной

Ты ощутишь, в грядущее идя,
Что ты в шеренге многомиллионной,
Что ты — единомышленник вождя.
Пусть будет он тревожен или краток —
Твой день, твой труд, разбег твоей
мечты, —

У партии ни скидок, ни поблажек,
Ни почестей просить не будешь ты.
Ты хочешь так.
Тебе отныне нужен
Лишь этот ритм и лишь такой удел.
Всем существом ты понял, что разбужен
Для новых, славных, небывалых дел!
Что дни труда, спрессованные вместе, —
Усилья всех участков боевых.
А их масштабы —
Это дело чести
Всей партии, всех помыслов твоих.
Вперед пойдешь решительно и смело,
И все задачи наших жарких дней
Становятся твоим партийным делом,
Чертами биографии твоей!

Запомнился лица его овал,
Озерное волнение чела.
Глядел он на Хатынь.

Репортовал
Безмолвно тени каждого села.

И принимала памятная тень
Пожарищ, исторических боев
Его очередной рабочий день
В суровое бессмертие свое.

КОММУНИСТЫ

Мы — коммунисты, века сыновья,
Добры ладони наши и могучи.
В ладонях этих вся Земля — моя —
Ее долины, океаны, кручи.
Нам сталь варить. Нам ставить города.
Нам это делать смело и упрямо.
Как равные мы смотрим солнцу прямо
Глаза в глаза. И это так всегда.
Сердца стучат — мир слышит этот стук,
Сердца горят — и в этом наша сила.
И если бы погасло солнце вдруг,
То сердце коммуниста бы свстило.
К нам вся Земля обращена лицом.
Лицо Земли — какое диво это!
Цветение акаций над крыльцом.
Торжественная синева рассвета.
Мы — коммунисты. И у нас в руках
Земля. И города ее. Как гнезда.
И над Землей, как маки, светят звезды,
И мы шагаем в пыльных сапогах,
За все в ответе мы на этом свете.
А если есть еще миры, в ответе
Мы и за то, что там, в иных мирах.

СЫН КОММУНИСТОМ СТАЛ

...на общем партийном собрании части за меня
проголосовали единогласно!

Из письма сына-солдата

Из всех, какие ни на есть,
достойных новостей,
сынок, для нас такая весть —
знак зрелости твоей.

Как я хотел бы провести
тот красный день с тобой —
день переломный на пути,
что мы зовем судьбой.

Сбиваюсь на высокий слог,
но разве лад иной
наш праздник выразить бы мог,
что ввел ты в дом родной!

Вновь по порядку,
как пришли,
не торопясь твои
из части письма перечли.
Реликвии семьи!

А как отрадно было нам
смотреть в бессчетный раз

все твои фото по годам —
с рожденья посеичас.

Нам сквозь размытые черты
твоих ребячьих лет
такие видятся пласты —
Большой родни портрет!..

Так, вспоминая всё и всех,
себя — в связи с тобой,
мы шли среди семейных вех
негладкою тропой.

Твои неловкие шаги
смешили нас опять.
Те оживали пустыки,
что помнит только мать.

Вдвоем, друг перед другом с ней,
гордясь наперебой —
мол, поискать таких парней, —
мы хвастались тобой.

И, освещая торжества
семейный ритуал,
звучали крупные слова:
сын коммунистом стал!

Теперь, наш человек родной,
солдат большой страны,
пожизненно обрел ты строй,
где долг и честь — равны.

Сбиваюсь на высокий слог,
но даже он не так

зрел, однозначен и высок,
как твой реальный шаг.

Спасибо Армии — в строю
смела ребячьи сны,
огранив молодость твою
до четкой прямизны.

Учила жестко, укрепя
ответственным трудом,
и поручилась за тебя
перед грядущим днем.

И в мирный быт,
к делам другим,
придешь уже вот-вот
ты с поручительством таким —
на всю судьбу вперед.

За возмужанье сыновей
для жизни и труда
отцовское спасибо ей
сейчас и навсегда.

О ЮНОСТИ

Мы знаем грядущему цену
И знаем, что юность права
Не как молодая трава,
Что старой приходит на смену,
Чтоб так же отжить до зимы.

Нет, юность с другою задачей
В наш след заступает горячий,
В то дело, что начали мы,
К заветной направившись цели.

Давно ей на том же пути
За нами, но дальше идти,
Исполнить, что мы не успели,
И вспомнить, возможно, о нас
С вершины иных пятилеток —
О наших героях, поэтах,
Министрах — с улыбкой подчас.

Но пусть она, юность родная,
Поднявшись стремительно ввысь,
Не вздумает там занестись,
Отметки отцам выставляя.

Нет, пусть она в душу возьмет,
Что в славе ее безграничной
Мы все же повинны частично
И знали о ней наперед.

И знали о ней, и мечтали,
Когда еще были юнцы,
А ранее — наши отцы
Смотрели в те самые дали.

И, подвиг свершая один
За времени навесью дымной,
Без нас они брали свой Зимний,
А мы еще с ними — Берлин.

Ей, юности, также известно,
Что без нее для Земли
Урало-Кузбасс возвели,
А Волгу впрягаем совместно.

И пусть еще юность учтет,
Что следом за нею иная,
Грядущая юность идет,
Ее на работе сменяя,
Неся назначенье свое.

А нам — так и той не завидно,
А нам и ее уже видно —
И мы не старше ее.

1951

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Интернационал. Партийный гимн	3
---	---

ПРЕДВЕСТЬЕ

Леонид Радин. Смело, товарищи, в ногу...	6
Глеб Кржижановский. Красное знамя	7
М. Горький. Песня о Буревестнике	9
Призыв (Из листка Воронежского комитета РСДРП)	11
Николай Минский. Гимн рабочих	12
Демьян Бедный. «Полна страданий наших чаша...»	13
Филипп Шкулев. Мы кузнецы, и дух наш молод...	14
Александр Пожарский. «Правда»	15
Велемир Хлебников. «Свобода приходит навзгаш...»	16

ОКТАБРЬ

Дмитрий Семеновский. Товарищ	18
Владимир Маяковский. Левый марш	19
Василий Князев. Песня коммун	21
Никифор Тихомиров. Братя	23
Михаил Герасимов. «Мы победили, клокочет сила...»	24
Николай Тихонов. Пролетарий говорит (Из поэмы)	26
Сергей Есенин. Кантата	29

Филипп Шкудев. Памяти борцов, павших в Октябрьские дни 1917 г.	30
Александр Безыменский. Молодая гвардия	32
Николай Полежаев. «Портретов Ленина не видно...»	34
Николай Кузнецов. Радиобашня	35
Валерий Брюсов. Ленин	36
Александр Безыменский. Партбилет № 224332	37
Николай Тихонов. Перекон	38
Сергей Есенин. Баллада о двадцати шести	40
Владимир Маяковский. Владимир Ильич Ленин (Отрывок из поэмы)	46

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!

Михаил Светлов. Рабфаковке	56
Николай Асеев. Время лучших	58
Владимир Маяковский. Товарищу Нетте, пароходу и человеку	60
Леонид Мартынов. Путь революционера	63
Михаил Светлов. Песня	64
Александр Прокофьев. Разговор по душам	65
Александр Прокофьев. Мы	67
Павел Васильев. К портрету Степана Радалова	69
Владимир Маяковский. Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка	71
Владимир Луговской. Большевикам пустыни и весны	75
Павел Васильев. Ледовый корабль	78
Борис Корнилов. Ленинградские стихи (Отрывок)	81
Исиф Уткин. Комсомольская песня	82
Борис Корнилов. Коммунисты идут вперед (Из поэмы «Триполье»)	84
Константин Симонов. Генерал	88
Михаил Исаковский. Песня о революции	91
Степан Щипачев. «Лил дождь осенний. Сад грустил о лете...»	92
Борис Ручьев. Любава (Отрывок из поэмы)	93
Алексей Сурков. Конармейская песня	102
Павел Коган. Лирическое отступление	103

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!

Василий Лебедев-Кумач. Священная война	106
Михаил Кульчицкий. Поколение Ленина (<i>Отрывок из поэмы «Самое такое»</i>)	107
Владимир Аврущенко. Присяга	109
Василий Лебедев-Кумач. Октябрьская звезда	110
Ольга Берггольц. Стихи о ленинградских большевиках	112
Анна Ахматова. Клятва	114
Николай Тихонов. Киров с нами (<i>Из поэмы</i>)	115
Александр Межиров. В комсомольском полку перед боем	119
Мargarита Агашина. Меня посылает райком	121
Юрий Инге. Партийная рекомендация	123
Михаил Львов. В осадную ночь	124
Клаимир Лисовский. Проводы коммунистической бригады	126
Константин Симонов. Слава	128
Николай Грибачев. Посылать в атаку...	129
Сергей Орлов. «Его зарыли в шар земной...»	130
Константин Симонов. У огня	131
Федор Сухов. « В бою под Орлом, под Варшавой...»	133
Григорий Куренев. Взвод разведки	134
Борис Слуцкий. Говорит комиссар полка	138
Алексей Сурков. Солдат	139
Михаил Львов. Время	141
Евгений Долматовский. Дело о поджоге рейхстага	142
Сергей Наравчатov. Молодые коммунисты	144

ПОЗЫВНЫЕ МИРА

Михаил Луконин. Пришедшим с войны	146
Ярослав Смеляков. Портрет	148
Александр Межиров. Коммунисты, вперед!	149
Мargarита Алигер. На ближних подступах	153
Константин Симонов. Красное и белое	156
Константин Симонов. Немец	159
Александр Твардовский. Памяти Ленина	161

Анатолий Софронов. Единая, могучая, стальная	169
Владимир Соколов. К партии	171
Евгений Евтушенко. Разговор с Революцией	174
Михаил Дудин. Сосны на берегу	176
Марк Лисянский. Аппассионата	178
Николай Грибачев. Возвращаясь из далека	180
Константин Ваншенкин. Октябрь	182
Евгений Храмов. Площадь Революции	184
Владимир Луговской. Ночной патруль	186
Сергей Наровчатов. Песни Коминтерна	189
Игорь Лялик. После войны	191

НА НОВЫХ РУБЕЖАХ

Владимир Костров. Линия	194
Олег Дмитриев. «Под огнем»	195
Анатолий Преловский. Дорожник	197
Станислав Куняев. Доски почета	199
Николай Грибачев. Тем, кто молод пока	200
Ярослав Смеляков. Мой учитель	201
Анатолий Преловский. Большое дело	203
Евгений Винокуров. Дядя	204
Александр Коренев. Комиссар	206
Константин Ваншенкин. Ленинский портрет	208
Роберт Рождественский. Стихи о моем имени	209
Андрей Вознесенский. Лонжюмо	214
Алексей Сурков. Эстафета	227
Валентин Сидоров. Стихи об отце	229
Ярослав Смеляков. Рязанские Мараты	231
Лев Озеров. «Далекий год. Мы были дети...»	233
Лев Озеров. «Оттолкнулся. Нору в стремя...»	234
Василий Казин. Гудок	235
Алексей Прасолов. «И вот настал он, час мой вещей...»	240
Эмиль Январев. Пластинки с голосом Ленина	242
Светлана Сомова. Партбилет	243
Алексей Кафанов. Лейтенант политсостава	244

Владимир Савельев. Совнарком	247
Николай Флеров. Герои Октября	249
Владимир Семакин. Родина	251
Геннадий Петров. Лицо	253
Александр Юдахин. «Мой дед был строителем маслозаводов...»	254
Алексей Смольников. Ода Красной площади	255
Валентин Сорокин. Из поэмы «Пролетарий»	259
Валентин Сорокин. Клятва	261
Валентин Сорокин. «Эта ночь развернулась...»	262
Борис Рахманин. Воспоминание о Полесском роднике	264
Владимир Савельев. Советская власть	266
Степан Шипачев. Земля поворачивалась...	268
Николай Тихонов. «Я много жил...»	270
Михаил Львов. «О эта Жизнь!»	272
Владимир Семакин. Разговор с отцом	275
Татьяна Кузовлева. «Варшавянка»	277
Владимир Костров. «Тяжелый бронепоезд...»	279
Валерий Краско. Свет	281
Юлия Друнина. За правое дело	283
Владимир Демидов. Его дела	284
Борис Рахманин. Золото	286
Семен Сорин. «С Интернационалом...»	289
Анатолий Аквилов. Продолжение	291
Егор Исаев. Из поэмы «Даль памяти»	293
Владимир Костров. Тема	297
Сергей Смирнов. «И колокольчик под дугой...»	299
Софья Петренко. Наследство	300
Василий Горбенко. Высокое звание	302
Екатерина Шевелева. Из поэмы «Коммунист»	304
Олег Шестинский. Коммунисты	306
Сергей Дроздов. Баллада сбойки (Из поэмы «Предвсвещенные трубы»)	307
Аркадий Каньшин. Сын коммунистом стал	309
Александр Твардовский. О юности	312

В 39 Ветер века: Стихи. Сборник.— М.: Советский писатель, 1985.— 320 с.

В этот сборник включены стихи русских советских поэтов о Ленине, об Октябрьской революции, о партии и коммунистах. Стихи пропитаны высокой гражданственностью, пламенным патриотизмом, отражают поэтически историю возникновения и становления нашего социалистического Отечества.

4702010200—337
В ————— 177—86
083(02)—85

ББК 84.Р7